

ГАЙЯ АЛЕКСИЯ

История любви, покорившая Францию!

18+

Обреченная

ЛЮБОВЬ

Гайя Алексия
Обретенная любовь
Серия «Французский поцелуй»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69913324
Обретенная любовь: Издательство АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-138495-1*

Аннотация

Когда прошлое настигнет Тигана, получится ли у нее спасти его? Столкнувшись со своим кошмаром наяву, Тиган понимает, что раньше не мог себе представить наихудшего расклада событий. Прошлое бьет его под дых, разрушая настоящее и ставя под угрозу будущее. Будет ли он достаточно силен, чтобы противостоять этому?

И сможет ли Елена помочь ему?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	33
Глава 5	45
Глава 6	51
Глава 7	57
Глава 8	66
Глава 9	72
Глава 10	77
Глава 11	86
Глава 12	97
Глава 13	104
Глава 14	118
Глава 15	133
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Гайя Алексия

Обретенная любовь

© 2017, Gaïa Alexia – Tous droits réservés

© 2017, La Condamine – 34–36, rue La Pérouse 75116 Paris

© Бернштейн О., перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Все права защищены. Текст книги не может быть скопирован (в том числе частично) и воспроизведен в любом виде без письменного разрешения автора.

Данная книга основана на художественном вымысле. Имена, характеры, профессии, места, события или происшествия являются продуктом творческой фантазии автора. Все совпадения с реальными персонажами (живыми или мертвыми) случайны.

Пролог

– Мистер Тиган Доу...

Этот голос возвращает меня на несколько месяцев назад, на неудобную скамью в зале суда, когда я едва не оказался в тюрьме. Передо мной все та же судья, и у нее все такой же удивленный вид. Я могу почти слово в слово предположить, что она мне сейчас скажет. *«Как жаль вновь видеть вас в подобной ситуации...»*

Сколько раз я уже слышал всю эту чепуху? Но все же сегодня все иначе. Ее «молоточек» не отправит меня в исправительный центр и не назначит мне еще один год условного заключения. Наручники на моих руках реальны, как и нависшая надо мной угроза. В прошлую нашу встречу она четко дала мне это понять: на этот раз меня точно посадят.

Когда я смотрю на ее расстроенную физиономию, возникает чувство, будто меня уже приговорили. Моя свобода закончилась три дня назад: я очнулся здесь, коридоры, словно сторожевой пес, круглосуточно патрулирует дежурный коп, а медсестры избегают моих взглядов. Но не судья. Она смотрит прямо мне в глаза с такой же злостью, как и моя львица в нашу первую встречу.

Я отворачиваюсь к окну, чтобы не встречаться с ней взглядом. Очевидно, сквозь эти жалюзи я проскользнуть не смогу. Судья вздыхает. А у меня нет никакого желания выслу-

шивать ее никчемные нравоучения о том, как я упустил данный мне шанс, ведь я – это я, и всегда останусь собой. Я уже много раз проговорил про себя все, что она могла бы мне сказать. Я прекрасно знал о последствиях своих действий и не жалею ни о чем.

– Мистер Доу, ваше молчание ничего не изменит.

Оставь меня в покое! Меня вот-вот накроет буря эмоций, но только не перед ней! Я молча терплю и пытаюсь отдышаться. Единственное, чего я хочу – это чтобы она исчезла, как исчезают остатки моей надежды на освобождение.

– Я не могу найти слов, чтобы описать, насколько я разочарована, что вы оказались в этой ситуации. Я всегда была убеждена, что, несмотря на все ваши злоключения, вы сможете все преодолеть. – Она вздыхает и садится на стул напротив меня.

Судья словно ждет ответа, хотя понимает, что его не последует. Она ведь знает мое досье наизусть. И молчит. Специально, чтобы надавить на меня?

– Несмотря на предоставленные следователем улики, я не могу поверить, что вы способны на такое. Что же произошло, мистер Доу? Почему случайный дилер из Куинса пытается изнасиловать девушку в раздевалке лица и избивает ее товарищей?

Если ты так хорошо меня знаешь, ответь сама! Ком застревает в горле и мешает мне дышать. Мысли о Елене причиняют дикую боль. Я смотрю на судью в упор. Я надеялся

прочитать в ее лице ненависть, но ее там нет, и от этого становится еще тяжелее. Мне не нужна ее жалость. Уж лучше сдохнуть.

– Расследование должно идти своим чередом, и вскоре мы встретимся в зале суда. Но сегодня я приехала сюда к вам для того, чтобы дать совет: не молчите, Тиган, начните говорить! Это ваш единственный шанс.

Серьезно? Говорить? А не пойти ли ей?!

– Или напишите – неважно. Главное, изложите свою версию событий. Докажите мне, что в вас осталась хоть крупица от того человека, которому я дала возможность выпутаться. Теперь только вы сами можете себя спасти.

Она ошибается. Елена мне поможет. Ведь она – все, что у меня есть, моя львица. Она расскажет, как все было.

– Елена Хиллз сейчас не в состоянии давать показания, а все остальные свидетельствуют против вас. Вы остались один, Тиган.

Моя львица не в состоянии разговаривать... Значит все, что я сделал, было напрасно? Они ее все-таки сломали... Надо было их убить.

Не получив ответа, судья встает и замирает на секунду. Я снова отвожу взгляд.

– Я сделала все от меня зависящее, чтобы вы не попали в Райкерс. Теперь ваш ход, мистер Доу.

Она выходит и закрывает за собой дверь, а у меня перехватывает дыхание. Мне срочно нужно покурить. Рядом со

мною пищит какой-то агрегат, и мне кажется, этот звук меня сейчас задушит.

Моя раненая львица не может говорить... Райкерс...

Глава 1

Тиг

Тогда

– Тиг...

Елена водит ногтями по моей груди, и это до дрожи приятно. Не знаю, как ей удастся, практически ничего не делая, пробуждать во мне столько всего.

Она продолжает. Я улыбаюсь, не хочу открывать глаза, не хочу просыпаться. Так здорово здесь, вдали от всех проблем. Этой ночью нет никаких кошмаров. Меня от них охраняет моя львица, присматривая за мной, словно хищник за своей территорией.

– Тиг... – вновь шепчет она.

Я хихикаю, как девственник, когда ее обжигающая ладонь оказывается под одеялом. Как обычно, пальцы останавливаются у резинки моих трусов. Интересно, если бы я спал голышом, она спустилась бы ниже и обхватила бы меня всей ладонью? Вряд ли. Она предпочитает медленный разогрев: ждет, пока я не начну кипеть от возбуждения. Елена дово-

дит меня до предела и заставляет взять дело в свои руки: ей нравится, когда я у руля. Хотя мне кажется, она просто кайфует от осознания того, что я не могу ей противостоять. Я так сильно ее хочу – это придает ей уверенности в себе. Заслужить ее доверие непросто, но когда она видит, что я обещал, то понимает, что я не играю с ее чувствами. Ведь после изнасилования в лицее и нападения придурка, которого я в конце концов заставил поплатиться за это, она постоянно сомневается.

Она зовет меня по имени, но я не хочу открывать глаза. Первое, что я желаю увидеть после пробуждения, – Елену, тонущую в удовольствии, а не идеально белый потолок ее чертовой комнаты.

Она прислала мне сообщение посреди ночи и попросила зайти к ней. Обожаю, когда она так делает. Самое сложное – тихонько проскользнуть в ее комнату через смежную ванную так, чтобы ее отец ничего не услышал. Он меня предупреждал: «Не смей даже пальцем притронуться к моей девочке». Он не может знать наверняка, но, конечно же, подозревает, что между нами что-то происходит. Это видно по тому, как он на меня смотрит. Поэтому мне приходится включить режим кролика-ниндзя, чтобы просочиться в постель Елены незамеченным.

О, черт!

Она вновь медленно проводит ногтями вдоль резинки трусов. Это возбуждает настолько, что мышцы невольно на-

пригаются. Я больше не могу сдерживаться.

Все еще зажмурившись, я резко отбрасываю одеяло и оказываюсь сверху, вклинившись между ее голых ног. После того как мы впервые занялись сексом, я несколько дней бился над тем, чтобы она перестала спать завернутой в три слоя шмотья, и не жалею об этом.

Она смеется. Вот с каких звуков нужно начинать день. Хотя нет, ее стоны – на первом месте.

Я прижимаюсь носом к ее шее и вдыхаю полной грудью. Хочу всегда помнить этот запах и просыпаться с ним каждое утро.

– Открой глаза.

– Не-а...

Елена опять смеется. Знает, почему я отказываюсь. Она знает, что по утрам я хочу видеть только, как она кончает. Ее руки царапают мою спину, а губы впиваются в шею. Я непроизвольно прижимаюсь к ней бедрами, и ей приходится сильнее сжать ноги вокруг моей талии. Она такая горячая, от простыни исходит ее аромат. Кажется, я плотно подсел на этот наркотический запах и вряд ли теперь смогу обходиться без него.

– Мы опоздаем на занятия...

Да и к черту их! Мы не покинем эту кровать, пока я не увижу, как она тонет в удовольствии.

Я прижимаюсь еще сильнее, и она стонет. *Черт, она стонет!* Обожаю такие моменты. Она кусается, совсем как льви-

ца, которая грозитя проглотить меня целиком, – моя очередь стонать от удовольствия. Я слегка отстраняюсь и пускаю в ход руки.

Как только мои забитые татуировками пальцы проникают в нее, она притягивает меня к себе: не хочет, чтобы я смотрел, ее смущает собственное возбуждение. Я открою глаза только после того, как она закроет свои от наслаждения. Она закусывает нижнюю губу. Хочу каждое утро видеть ее такой, ощущать ее такой.

Я не спешу, Елена не любит спешку. Моя львица смакует ощущения, и это сводит с ума: возбуждение и разочарование смешиваются в один ноющий ком. Я позволяю ей думать, будто я главный, но это совсем не так: я здесь только ради нее, получаю удовольствие только вместе с ней.

– О, Тиг... Черт, погоди, я сейчас...

Я ускоряюсь, не дав ей договорить. Мои пальцы скользят вперед и назад по горячей и влажной поверхности. Она вонзает ногти мне в спину, веки плотно сомкнуты, брови нахмурены. Она на самом краю пропасти, я знаю, она вот-вот кончит и потом наверняка расстроится, что я довел ее до оргазма, сам оставшись без ничего. Но я так люблю видеть ее... подчиненной моей власти.

– Мм! Тиг!

Елена больше не может сопротивляться. Через пару секунд она застонет, возможно, даже вцепится в меня, лишь бы не закричать и не выдать нас. Представляю себе, сколько

шума поднял бы ее отец, если бы нагрязнул прямо сейчас. Я молюсь на кодовый замок, охраняющий вход в ее комнату, и задвижку на двери в ванной. Хотя в целом здесь и сейчас мне плевать на Дэниэла, а вот Елене нет.

Я ускоряюсь, мой большой палец нащупывает идеальное место, и я... *Проклятье!* Она что есть силы сжимает свои ноги, и мой член упирается в руку, не позволяя ей двигаться дальше. Черт, она вся влажная, это ощущается даже сквозь ткань трусов.

– Не двигайся, иначе я опять... – начинает говорить она.

О, моя львица, если ты думаешь, что я тебя послушаюсь, то сильно ошибаешься!

Я снова начинаю двигать рукой, прямо рядом с членом, и от этого получаю свою толику удовольствия. Она вся превращается в стон! Мое имя срывается с ее губ, она с дикой силой сжимает меня своими ногами. Мой член давит прямо на нужную точку, и она кончает. Конечно же, как я и предполагал, она кусает меня за шею и обхватывает руками, прижимая к себе.

Она прячется от моих глаз, но ощущать это напряжение и трепет, слышать, как у нее перехватывает дыхание из-за меня, – это лучшее из всего, что можно вообразить. Мой член зажат так, что мне тоже приятно. Не настолько, чтобы кончить, но достаточно, чтобы насладиться моментом.

Когда ее тело, наконец, расслабляется, я достаю свои пальцы из рая и отстраняюсь, чтобы лучше ее рассмотреть. Елена

пытается отдышаться с закрытыми глазами, а потом смотрит на меня так, как всегда смотрит после оргазма.

– Извращенец, – выдыхает она.

Я взрываюсь от смеха. *Какая дикость!* От моих конвульсий член разворачивается прямо в ее сторону. Приходится взять себя в руки. Черт, я на грани ядерного взрыва. *А она еще будет весь день попадаться мне на глаза...* Мне уже надоело возбуждаться, куда бы я ни пошел, но ее забавляет, когда я стараюсь чем-то прикрыть свой бесконечный стояк после того, как она меня заведет. Впрочем, в чем-то она права: надо быть извращенцем, чтобы любить такие игры.

– Серьезно? – парирую я.

Она смеется, обнимает меня, а затем морщится.

– Мм, кажется, кому-то не помешает почистить зубы, – говорит она с наглой улыбкой.

Да, моя львица, даже у кроликов воняет изо рта по утрам.

Я сажусь, оставив ее утопать в матрасе. Она бросает взгляд на выпуклость в моих трусах. Член дрожит от разочарования. Если бы мог говорить, он бы точно послал нас далеко и надолго.

Как всегда, Елена смущается и отводит взгляд. Я знаю ее следующие слова: как это ужасно, что мы уже два дня без презервативов, и что она бы очень хотела прикоснуться ко мне, но не может. Чтобы не слышать этого и не видеть слезинки в уголках ее глаз, я ее обнимаю, а затем вылезаю из

постели.

– Вставай, моя львица, сегодня забьем на занятия, – бросаю я по пути в ванную.

– Как это? С ума сошел? Мой отец...

– Вышвырнет меня на улицу, если услышит, что я нахожусь в твоей комнате в такую рань. И он меня убьет, если ты залетишь!

Тишина. Я пытаюсь отлить, не кончив. Обычно у меня это получается несколько раз в день, так что пора уже внести меня в книгу рекордов.

– Мы же не будем весь день покупать презервативы... – цедит она сквозь зубы из своей комнаты.

Елена не спешит присоединиться ко мне в ванной. Видимо, и в душ я сегодня пойду один...

– Покупать – нет, зато опустошать коробку – да, детка!

– Эй, дружище!

Я вздрагиваю и открываю глаза. Окружающая обстановка бесцеремонно вырывает меня из грез, возвращая к реальности.

– Помоги, парень! Сделай одолжение корешу, шевелись! – горланит кто-то.

Это мне?

Я с трудом привстаю на кровати, чтобы оглядеться. Несколько полицейских сгрудились вокруг соседней доселе пустовавшей койки. Теперь на ней лежит парень с гнилыми зубами.

– Подонок! – вопит он.

Один из копов пытается его уложить и заткнуть пасть. Это та же самая шавка, что охраняет выход из комнаты. Не знаю, зачем его к нам приставили, но даже если его задача – не дать никому выйти или войти, одно понятно наверняка: этот жирдяй больше времени потратил на заигрывание с медсестрами, чем на слежку за мной. В комнату входит очередная девушка в белом халате с чертовски огромным шприцом и, естественно, тоже попадает в поле его зрения. *Проклятый коп, это омерзительно!* Она делает вид, что не замечает его взгляда, и производит какие-то манипуляции с заключенным.

Наступает тишина, и полицейские сваливают. Новичок искоса смотрит на меня.

– Всех психов в одну комнату сгрудили, – бросает он.

Я отворачиваю голову. *Кто из нас здесь больший псих, извращенец?*

Я смотрю на свое запястье, прикованное наручниками к чертовой больничной койке. От воспоминаний о произошедшем снова тяжело дышать, точно так же, как и в любой другой проведенный в этом месте день. Почему сегодня приснилось именно это? Чтобы стало еще больше от осознания того, что я все еще здесь? Или, возможно, мой разум пытается подменить весь этот ужас образом моей львицы? В любом случае реальность всегда возвращается: повсюду кровь, Елена визжит, а у меня в голове крутятся одни и те же слова:

«Вы под арестом. Райкерс. Изнасилование».

Глава 2

Елена

Уже несколько дней я валяюсь на больничной койке, но только сейчас у меня получается хорошенько осмотреться. Когда меня привезли, я так бурно реагировала на любые прикосновения, что медсестрам пришлось ввести мне успокоительное. Я долго балансировала на грани сна и отчаяния. Потом меня кололи еще и еще. Наконец, сегодня больше никаких транквилизаторов. Но, несмотря на длительный сон, я ничего не забыла. С каждым пробуждением воспоминания о случившемся возвращаются с новой силой.

Я внимательно осматриваю комнату: полуприкрытые ставни, впускающие совсем немного солнечных лучей, гнетущая тишина; от запаха антисептиков тошнит.

Натянув одеяло до подбородка, я все равно мерзну. Кажется, меня всю поглотили отвращение и страх и я никогда не смогу от них избавиться. Но пусть я вся разбита и с трудом возвращаюсь к реальности, органы чувств работают на все сто: жесткая простынь трется о кожу – очень неприятное ощущение! Зрачкам физически больно от сумрака, и что уж говорить об этой тишине, возвращающей воспоминания, ко-

торые мне совершенно не хочется переживать снова.

Не знаю, какой сегодня день. Но очевидно, что *его* рядом нет и без него мне не прогнать из головы произошедшее. Я снова и снова прокручиваю эту сцену: тот мерзавец, драка, ярость, затем копы повсюду и Тиг в крови. Меня мучают детали: его дрожащие руки закрывают голову, пока в него тычат оружием и кричат; его взгляд, когда он вошел в раздевалку, увидел этого подонка и все понял...

Я кутаюсь в одеяло и закрываю глаза. Но тьма воскрешает в сознании все эти ужасы из раздевалки.

Вдруг за дверью комнаты раздаются шаги. Я поворачиваюсь спиной ко входу. Не переносу, когда на меня смотрят. Меня съедает стыд, который я даже сама себе не могу объяснить, и потому стараюсь полностью закрыться от посторонних и сбежать от реальности.

Дверь тихонько открывается, и я слышу голос отца.

– Нет, она спит, я стараюсь ее не беспокоить.

– Дэниэл, я до сих пор не понимаю, что произошло...

Мое сердце замирает. Мама плачет. Я сжимаю челюсти.

– Я не знаю, но мы должны ее поддерживать, так ведь? –

отвечает отец.

– Конечно.

Они ничем не могут помочь. Мне нужен Тиг. Только с ним я могу пережить невыносимое. Однажды он уже это сделал, пару месяцев назад, когда я пряталась в туалете лица. И, хотя сейчас все гораздо хуже, он ведь сможет помочь мне

еще раз, не так ли?

У меня больше нет сил видеться с родителями. Не выношу, когда они наблюдают за мной. Я вспоминаю те дни, когда Тиг не отрывал взгляда от земли, закрывался и выстраивал между нами такую стену, от которой отскакивали любые слова. Кажется, я начинаю его понимать. Я очень хочу быть такой же сильной, как он, уметь, как и он, абстрагироваться от того, что со мной сделали, и от того, что я видела.

– Думаешь, он... – начинает мама с болью в голосе и замолкает.

Мой отец вздыхает.

– Думаешь, Тиган и вправду мог... – нерешительно продолжает она.

– Я не знаю, Энджи.

Слезы прорываются сквозь прикрытые веки и быстро впитываются в ткань подушки. Как они могут хотя бы на секунду допустить мысль, что Тиган способен... Я даже подумать об этом не в состоянии.

Я должна сказать им, что он всего лишь защищал меня и что, если бы я не закричала, убил бы того, кто устроил мне этот ад, но не получается. Как бы я ни старалась, любые попытки рассказать о случившемся заставляют меня переживать все заново. Мой мозг отказывается это делать. И меня повергает в ужас мысль о том, что Джейсон может заявиться в тот момент, когда Тига не будет рядом.

Но я никак не могу объяснить родителям, что Тиган ну-

жен мне как никогда, что человек, которого они приютили в своем доме, вовсе не извращенец, напавший на их дочь, и что их вины здесь нет. Я не могу говорить ни с кем из тех, кто пытается разобраться в произошедшем.

– Энджи, тебе нужно что-то поесть, иначе ты просто свалишься без сил, – говорит отец.

Я слышу, как родители проходят в комнату и тихонько закрывают дверь. Мама подбегает к кровати и склоняется надо мной.

– Привет, дорогая, – шепчет она.

Обычно она целует меня в лоб, но не сегодня. С тех пор как я здесь, она ни разу меня не поцеловала. Через несколько секунд я узнаю запах папиного парфюма.

– Здравствуй, Елена.

Я не двигаюсь и делаю вид, что сплю.

– Энджи, сядь, ты выглядишь очень измотанной. Я найду тебе что-нибудь перекусить, ты вся бледная. Будешь чай?

– Да, спасибо, дорогой.

Раздаются шаги, затем открывается дверь, и шум голосов заполняет комнату.

– Здравствуйте, мистер Хиллз. Мы из «*Нью-Йорк Пост*», хотим поговорить с вашей дочерью о нападении. Она рассказала следователю, как все было? Все потрясены жестокостью произошедшего, и наши читатели хотят узнать подробности. Ваша дочь знает, что нападавший лежит здесь же, этажом выше? Она не боится, что он снова может напасть?

– Вы в своем уме? Вон! – кричит отец так громко, что я вздрагиваю.

В следующую секунду он громко хлопает дверью. Я съеживаюсь.

– Не обращай внимания, солнышко, папа их всех вышвырнет отсюда, – шепчет мама, пытаясь меня успокоить.

Я неуверенно качаю головой.

Вновь воцаряется тишина. Я не люблю такую тишину, мне больше по душе тишина Тига.

Через какое-то время отец возвращается с едой. Он ставит одну тарелку передо мной, вторую отдает маме. Она просит меня приподняться, но я не могу. Я принохиваюсь. От запаха йогурта тошнит, и я к нему не притрагиваюсь. Мама говорит, что рада разделить со мной трапезу.

Но мне не дает покоя только одна мысль: Тиг лежит этажом выше.

* * *

Я задремала, но ненадолго: не могу перестать думать о Тиге, он ведь прямо надо мной. Представляю себе, как я прохожу сквозь потолок, сворачиваюсь клубочком в его объятиях, и мне становится легче.

– Елена, милая.

Это мама. Я собираюсь открыть глаза, но... Пожалуй, нет. В других обстоятельствах я бы сразу улыбнулась в ответ,

пусть и несколько натянуто, но после того вечера общение с кем бы то ни было превратилось в пытку.

– Елена, сотрудники полиции здесь, они хотят тебя видеть, – добавляет мама.

Что? Я открываю глаза и выпрямляюсь. Сердце бешено колотится, к горлу подкатывает ком.

– Они только хотят задать тебе пару вопросов, ты позволишь? – ласково спрашивает она.

Я отрицательно качаю головой и натягиваю одеяло повыше. Эти свиньи не защитят меня. Мама вздыхает и придвигает свой стул к кровати.

– Солнышко, я буду рядом, хорошо? Их двое, и они отлично знают свое дело. Они зададут всего пару простых вопросов. Можешь отвечать как угодно – даже кивком головы, если словами не получится.

Я слушаю ее и чувствую, как накатывают слезы. Но, слава богу, я успеваю вовремя взять себя в руки.

– Обещаю, все пройдет быстро, договорились?

– Договорились.

Я говорю сухо и сдержанно, но ей достаточно и этого. Улыбнувшись, мама идет открывать дверь.

Входят двое. Их взгляды останавливаются на мне, и я снова пытаюсь спрятаться за одеялом.

– Здравствуйте, мисс Хиллз, как ваши дела? – спрашивает один из них.

Второй молча кивает мне, и они подходят к кровати.

Мужчины такие высокие, что за ними совсем не видно мамы. Я ищу ее глазами. *Неужели она вышла?* Но нет, она выглядывает из-за их спин с улыбкой.

– У нас к вам есть несколько вопросов, – говорит мне полицейский. – Как вы оказались на той вечеринке?

Пауза. Они оба пристально смотрят на меня. Молчун достаёт маленький блокнот и ручку.

– Вам понятен вопрос? – вновь обращается ко мне полицейский.

– Да.

Он хмурит брови.

– Ну, так что?

Мама мельком бросает на него взгляд.

– Эм... я... я пошла на вечеринку...

– В котором часу?

Я сглатываю, пытаюсь прогнать из головы воспоминания о том вечере.

– Я уже не помню, наверное, где-то в...

– Через какой вход вы вошли? Охранники вас не видели.

– Я...

Я не помню.

– Отвечайте, пожалуйста.

– Я не знаю.

Мой голос звучит еще холоднее. Они стоят слишком близко к кровати. Что им, в конце концов, нужно от меня?

– Опишите, что произошло в раздевалке, когда на вас на-

пали. Когда появились остальные бейсболисты?

Я начинаю мямлить, пытаюсь остановить потоки слез, меня захватывают воспоминания о запахах и криках. Об ужасе. Я вся съеживаюсь, поджимая ноги.

– Отвечайте.

– Отстаньте от меня...

Я бормочу сквозь зубы. *Я хочу, чтобы они ушли! Мама, пожалуйста, скажи, чтобы они ушли.*

– Елена, ты в порядке? – спрашивает она.

Мама кладет мне руку на плечо, и я непроизвольно ее отталкиваю.

– Не трогай меня!

– Как он смог запереть вас в раздевалке?

– Мистер, мне кажется, вам придется зайти чуть позже, моя дочь уста...

– Это расследование, мэм, мы не можем прийти позже, правосудие не ждет, – говорит ей полицейский. – Мисс Хиллз, ответьте на вопросы, и мы уйдем. Как ему удалось запереть вас в раздевалке? Он вас ударил? Угрожал вам? Накачал наркотиками?

– Отстаньте!

Мужчина продолжает что-то говорить, но я прячусь обратно под одеяло. Моя мать встает, а я больше не разбираю, что они говорят. Мне просто нужно, чтобы они все ушли. Здесь слишком много людей. Мне тяжело дышать, я кричу, или мне это только кажется... *Тиган, где ты, черт возьми?*

Ты мне нужен, они слишком близко! Что мне делать, если они подойдут еще ближе?

Я трясую головой, но слышу только шепот Джейсона, он рассказывает, что собирается со мной сделать.

– Прекратите! Не трогайте меня!

– Елена! Позовите врача!

На помощь! Они заперли дверь в раздевалку, здесь только я и они, больше никого! Все начинается заново! *Тиган!*

– У нее посттравматический шок, нужны транквилизаторы. Быстро!

Меня хватают. Я отбиваюсь. *Нет! Это Джейсон! Тиган, помоги! Где ты?*

– Елена, это мама, успокойся, я рядом...

– Мама, он здесь! Я боюсь!

Я слышу собственный плач, но не могу остановиться.

– Я здесь... Тише, милая...

Глава 3

Тиг

Я выпрямляюсь в постели. Больно до ужаса. Меня действительно довольно сильно потрепали в этой драке, но им досталось не меньше.

Сосед все не унимается: он привстает и во все горло зовет медсестер. Я закрываю глаза и слушаю, как он заводит свою песню с начала. Черт, я даже уши заткнуть не могу: одна рука все так же пристегнута к кровати. Я пытаюсь приглушить боль, с которой не справилось бы ни одно успокоительное, – просто дышу. *Да, дыши, парень... Только это тебе и остается.*

Моя жизнь перевернулась с ног на голову: по ночам я вижу приятные сны, зато явь – настоящий кошмар. Решетки на окнах, наручники и какой-то вонючий тип – я как будто уже в тюрьме, а ведь это пока только больничная койка. Солнце очень старается, но ему так и не удастся коснуться моей кровати, его лучи тихонько соскальзывают по противоположной стене на потолок и к четверем часам полностью исчезают. Это довольно глупо, но его недостижимость бесит меня так же сильно, как невозможность видеться с Еленой.

Я ничего (ну, или почти ничего) не знаю о том, что происходит снаружи. Не считая судьи, которая явилась несколько дней назад со своими советами, я вижу только полицейских и медсестер, и никто не хочет рассказать о том, что меня интересуется. Копы огрызаются и обращаются со мной, будто я извращенец, готовый в любую минуту наброситься на их детей. А медсестер интересуется лишь мое физическое состояние.

Почему Елена ничего не рассказала? Они все твердят, что я – насильник из раздевалки. Почему она не объяснит им, что это не так? Что там говорила эта судья? Что она «не может прояснить ситуацию»? Что это значит?

– Эй, милочка! Угости сигареткой! – горланит сосед.

Я быстро стираю подступающие слезы и смотрю на него. Сосед уже вскочил на ноги, но кровать-то прикручена к полу, а он пристегнут к кровати, так что далеко не уйдет. Этот тип невыносим.

Наконец, появляется медсестра, но близко к нему не подходит, а вместо этого жмет на кнопку. Вваливаются коп-извращенец с напарником. Вдвоем они укладывают его обратно в постель. Паренька сюда перевели из тюрьмы с ножевым или чем-то вроде того. Он мне недавно поведал, что пребывание здесь для него как каникулы. От этой новости со мной случился приступ молчаливой паники. *Если это – каникулы, то что же тогда там?*

Я резко вдыхаю, пытаюсь прогнать вновь накатившие слезы. *Дыши, Тиг!*

– Мистер Доу?..

Я открываю глаза и хмурюсь. Медсестра ковыряется в агрегате, от писка которого у меня вот-вот взорвется голова.

– У вас еще немного повышено давление, но остальные показатели в норме. Врач сказал, что скоро выпишет вас.

Эта медсестра постоянно со мной разговаривает. Но я прикован к чертовой кровати, поэтому приходится слушать молча. Солис была бы счастлива со мной побеседовать, пока я обездвижен и не могу сбежать. Я закрываю глаза. Солис – одна из двух женщин, о которых я не должен думать, потому что это слишком больно.

Медсестра прикладывает компресс к моей щеке. Я поворачиваю голову так, чтобы она не касалась кожи.

– Слезами вы себя до обезвоживания доведете, – выдает она.

Иди к черту!

Если бы только мог, я вскочил бы с этой кровати, но я не двигаюсь: если начинаю проявлять излишнюю активность, они вливают успокоительные в капельницу, подсоединенную к моей руке. Я стараюсь не пересекаться с ней взглядом. Я уже давно это практикую: избегаю взглядов и мнений.

– Вот потеха! Он все еще хнычет? – вопит сосед.

– Замолчите уже! – отвечает ему сестра.

Она растягивает между нами занавеску, но через нее все так же слышно, как этот придурок меня поносит. *Тварь, тебе повезло, что я не могу встать, иначе засунул бы свой кулак*

тебе в глотку и смотрел бы, как ты задыхаешься!

– Ну, так чего там? Ты изнасиловал какую-то девчонку? Тебя показывали по телевизору, молчун! – продолжает он.

Я сжимаю зубы. Медсестра старается не смотреть на меня. Она, наверное, тоже думает, что я насильник. Вероятно, они все так думают. Я пытаюсь проглотить ком, подкативший к горлу.

– Вам нужно сходить в душ.

Прежде чем я успеваю опомниться, из ниоткуда появляется коп и не глядя отстегивает меня от кровати. Он присматривается к девушке в белом халате. Я же просто делаю то, что мне говорят, не отвлекаясь на все остальное. Шаг, еще один – это вроде плевое дело, но, когда ребра ноют от боли, оно становится чертовым мучением. Дико кружится голова.

Две сестры, появившиеся непонятно откуда, помогают мне дойти до маленькой ванной. Коп провожает нас взглядом, полным ненависти. *Можно подумать, они боятся, что я сбежу.* Я в таком состоянии, что это физически невозможно. Если бы мне было хоть немного лучше, я бы уже слинял.

Они заводят меня внутрь и оставляют одного. Это первые десять минут за сегодня, когда я не пристегнут к кровати – непередаваемое ощущение.

На стене над умывальником висит небольшое зеркало. С каждым днем у меня все более побитый вид. Синяки сменили цвет на фиолетовый и покрывают большую часть кожи. Несколько швов виднеются на губах, скуле и брови. Я

не узнаю себя. Чуть ниже синяки проступают на левом боку, разделяя пополам татуировку, которая тоже вся покрыта гематомами. *Ну и посмотрите, во что я превратился...* Я так понял, им пришлось вправить мне одно или два ребра. У меня не было выбора, кроме как остаться здесь: кажется, сломанное ребро порвало мне легкое. Я не очень внимательно слушал врача.

Я пресекаю этот поток рассуждений. Голова совершенно отказывается нормально работать, поэтому я стараюсь гнать прочь грустные мысли.

Мне не вернули шмотки, в которых я сюда попал. Сестра сказала, они все были покрыты кровью. Впрочем, я не уверен, что это была моя кровь. Так что раз в день мне выдают чистую рубаху, очень похожую на смирительную.

После душа я одеваюсь. И это пытка, у которой нет названия. Когда я поднимаю руки, у меня перехватывает дыхание. Я пытаюсь протиснуть вторую руку в рукав, и в этот момент распахивается дверь. Вздрагиваю – и от этого тоже больно.

– Чем ты тут занят, насильник? Тебе дали ровно десять минут, – гаркает легавый.

Ублюдок! Если бы я был в состоянии, плюнул бы тебе в лицо! Он с пренебрежением рассматривает мое отражение в зеркале.

– Закругляйся скорее, тебе еще на рентген идти, а мне некогда тут с тобой прохлаждаться!

Твоя работа, кретин, подобно голодному псу, следовать

за мной повсюду. Так что времени прохлаждаться со мной у тебя навалом.

Меня быстро усаживают в инвалидное кресло (я мог бы и сам справиться, но медсестра настояла), пристегивают наручниками к подлокотнику, и мы готовы покинуть комнату. А мой психованный сосед все никак не унимается и продолжает вопить.

Глава 4

Елена

Я отодвигаю тарелку: мой аппетит окончательно испорчен. Чувствую, как мама сверлит взглядом мою спину. Я даже не смотрю на нее, но уже знаю, что в этом взгляде: боль, слезы и беспокойство, с которыми я ничего не могу поделать.

– Ты ничего не съела, – произносит она тихо.

– Я не голодна.

Она вздыхает, но не настаивает. После утреннего срыва мама выглядит опустошенной, и я виню в этом себя. Должно быть, я проспала час или два, ведь день, кажется, уже начал клониться к вечеру. А со мной все так же ничего не происходит.

Мама забирает мою тарелку и отставляет подальше. Через мгновение раздается негромкий стук в дверь, и она встает, чтобы ее открыть.

– Смотрите, кого я привел, – говорит отец.

Чев с широкой улыбкой вбегает в комнату и бросается ко мне.

– Елена! Представляешь, я ел французские сэндвичи у тети! У нее даже хлеб не такой, как у нас, и...

– Чев, потише. Не забывай: твоей сестре нездоровится. Не кричи так громко, – просит мама.

– Ой, прости. И еще, я сам сделал настоящий майонез, из яиц... – продолжает он уже шепотом.

Я улыбаюсь, а он продолжает висеть на моей шее. *Мне так тебя не хватало, малыш...* От одной этой мысли на глаза наворачиваются слезы.

– А чем ты больна? – спрашивает он.

– Она просто больна, – вмешивается отец, пытаясь пресечь бесконечные вопросы моего младшего брата.

Чеви и этого достаточно. Он спрыгивает с кровати и идет к окну, не прекращая болтать. Родители внимательно за мной наблюдают, пытаясь прочесть что-то новое в моем взгляде. Не знаю, чего они ожидают от меня, но это неприятно, так что я отворачиваюсь.

– Ты... Я подумала, можно немного прогуляться по больничному двору. Погода хорошая, а Чеви столько всего хотел тебе рассказать, – нерешительно предлагает мама.

Дьявол! Я сглатываю. *Прогуляться?* Нет уж, ни за что! Там наверняка полно народу.

– Что-то мне не хочется, – цежу я сквозь зубы, отводя взгляд.

– Ладно, ничего страшного. Мы выйдем сами, а ты немного отдохни. Мы вернемся позже, – говорит отец.

Спустя две минуты в комнате воцаряется тишина и спокойствие. Я кутаюсь в одеяло, но никак не могу сомкнуть

глаз. Я не чувствую усталости. Меня уничтожили морально, а это не излечить обычным сном. Мои мысли блуждают и, наконец, оседают в воспоминаниях.

Это правда: у меня не получается ничего рассказать о случившемся, но как мои родители могут сомневаться в Тигане? Я знаю, что папа серьезно задумался о наших взаимоотношениях после того случая, когда Тиг чуть не сошел с ума от ночного кошмара, и я была уверена – он понял, что нас с ним связывает. Хотя, с другой стороны, отцу всегда было трудно признавать очевидное...

* * *

Тогда

Я вхожу в кухню. У мамы странное выражение лица, хотя обычно она всегда улыбается. Надеюсь, у нее не случилось рецидива после рака. Сейчас у нее ремиссия, и я больше никогда не хочу видеть ее такой слабой, какой она была в самый критический момент. Она, наконец, меня замечает.

– Как дела? – спрашиваю я с волнением.

– Твой отец вне себя, – запросто отвечает она.

Слава богу! Значит, в ближайшем будущем кризисов не предвидится. Отец расстроен? *Придумал бы что-нибудь но-*

венькое, в конце концов! Он, конечно же, будет надрываться из-за какой-нибудь ерунды, а я не найду в себе сил сохранять спокойствие.

– У вас с Тигом есть минут пятнадцать. Наказание будет суровым.

У нас с Тигом? На этой неделе мы не пропустили ни одного занятия. Что он там себе еще придумал?

– Наказание? Мы же не Чеви, позволь напомнить! И потом, мы ничего не сделали.

Она пристально смотрит на меня. Я останавливаюсь у холодильника. Я хочу есть. Этим утром все иначе, все изменилось благодаря Тигу. Не могу с уверенностью сказать, что я теперь другая, но такое ощущение, что я сильнее, чем когда-либо. И это случилось только благодаря ему.

– Ничего не сделали? Ты уверена? – спрашивает мама, улыбаясь краешком рта.

Я замираю. *Черт, надеюсь, она не имеет в виду...*

– Если тебе нужно с кем-то поговорить... или ищешь совета, ты всегда знаешь, где меня найти, дорогая. Вне зависимости от того, что там себе думает твой отец! Ты взрослеешь, невозможно все время ограничивать себя... И, если ты хочешь, ну, я не знаю, выпить какие-нибудь таблетки, отправь мне сообщение, – добавляет она шепотом.

Так, ее поведение, мягко говоря, очень странное. Неужели она что-то знает? Как такое возможно? Мы с Тигом всегда так осторожны. Не может быть.

– Елена! – кричит отец.

Я хмурюсь, когда он врывается в кухню. Он и в самом деле в бешенстве.

– Ты можешь мне объяснить, что это такое? – Он трясет передо мной трусами Тига.

Точно, он был в них, когда заходил в мою комнату вчера ночью. Должно быть, мы забыли их на полу у кровати. *О, черт меня побери!* И, кстати, трясти ими над столом с завтраком омерзительно!

Я чувствую, как по телу поднимается жар, от стыда даже дышать тяжело. Думаю, мое лицо сейчас все пунцовое, словно его только что достали из печи. *Елена, ты труп. Ты должна срочно придумать объяснение, если не хочешь, чтобы Тиган сыграл в ящик.*

– Могу ли я узнать, почему на меня кричат из-за каких-то грязных трусов? Поднимись двумя этажами выше и спроси, там должны знать! – Я делаю вид, будто я ни при чем.

– Там – это в смысле в твоей комнате, у кровати? Объясни-ка мне, что *он* там делал со своими трусами? А не то я этого мелкого ублюдка...

– Дэниэл, следи за языком! – поправляет его мама.

И они еще удивляются, почему я так люблю некультурно выражаться. Яблоко от яблони...

Мама, кажется, совсем не удивлена услышанному. Она улыбается и подмигивает, когда мы встречаемся взглядами.

Я пытаюсь придумать хоть сколько-нибудь правдоподоб-

ное объяснение, чтобы не умереть от стыда. Последние несколько месяцев с отцом стало крайне тяжело общаться. Как в таких условиях объяснить ему, что я влюбилась в сироту, которого он принял в нашу семью?

Идея! Слава богу!

– Как тебе такое объяснение: я разбираю корзину с грязным бельем из ванной комнаты, и они выпали где-то по пути. Но, конечно же, ты сразу навообразил себе черт знает что.

Я могла бы сказать ему правду: что я занимаюсь сексом с Тиганом и что он ничего не сможет с этим поделать. Но что-то мне мешает. Возможно, кто-то из нас к этому не готов. Возможно, даже мы оба не готовы. Я, наверное, вообще разучилась разговаривать с отцом. Даже не знаю, когда это началось. Он отказывается что-либо понимать, не хочет видеть дальше своего носа, и у меня не выходит объяснить ему, что он делает не так. К счастью, маме обычно удается выступать между нами в роли переводчика.

– Елена, твой отец просто в шоке от того, что он сам себе придумал. Ему нужно немного успокоиться, – уверенно говорит она.

– Нет, я не успокоюсь! Неважно, как они там оказались! – Мои объяснения его явно не убедили. – С сегодняшнего дня Тиган переезжает вниз.

Нет! Не смей отнимать его у меня! Тиган мне нужен. Без него мне плохо.

Я реагирую молниеносно. Я вообще не горжусь тем, что иг-

раю на папиных чувствах, но отказаться от ночей в объятиях Тига выше моих сил.

– Серьезно? – парирую я. – Ты выставишь Тига из его комнаты из-за приступа непонятно откуда взявшейся паранойи? Ты не забыл, что речь идет о сироте, которого всю жизнь мотало из семьи в семью?

Отец расстрелял бы меня своим взглядом, если бы мог. Я уже собираюсь продолжить свою тираду, как вдруг осекаюсь. В проеме кухонной двери появляется Тиган. Он зол. Как всегда по утрам, он опускает глаза и делает вид, будто никого не замечает, но я уверена, что он прекрасно слышал мои слова про сироту.

Он входит на кухню, словно привидение. Мы молчим. Не поднимая глаз, Тиг толкает меня плечом, чтобы добраться до холодильника. Бутылки, стоящие в дверце, звенят. Он достает одно пиво и резко закрывает холодильник.

Пиво? С ума сошел? Нам выходить на занятия через десять минут!

Мы переглядываемся с родителями – они выглядят такими же ошарашенными, как и я. Тиг проходит мимо, я хватаю его за рукав. Он явно не в духе: вырывает руку, даже не остановившись, и не смотрит мне в глаза. Это совсем не хорошо. Ненавижу, когда он такой.

– Что это ты делаешь? – спрашиваю я. – Нам еще на занятия, а ты пиво собрался пить?

Он сжимает челюсть. На нем мои любимые джинсы и тол-

стовка с черным капюшоном. Его татуировки выглядывают из-за воротника. Никогда не видела ничего более сексуального: они будто предлагают снять с него одежду, чтобы увидеть остальное. Тиг оставляет меня без ответа и исчезает. Мы слышим, как открывается и закрывается входная дверь. Тишина.

– Сейчас 8:10 утра, Елена, а твой бедненький «сиротка» собирается выпить, – произносит отец.

– Она-то в этом не виновата, Дэн, – вмешивается мама.

Она права. Но и папа тоже прав, и мне невыносимо это признавать. Я оставляю идею с завтраком и собираюсь догнать Тига.

– Подожди, Елена, возьми на случай, если проголодаетесь... Ну, и к пиву, – говорит мама.

Она протягивает мне бумажный пакет с едой. Я хватаю его по пути и выхожу. Отец провожает меня мрачным взглядом.

Тиг стоит на улице и курит. Не знаю, чем он меня так расстроил. Возможно, я слишком близко к сердцу принимаю его переживания и потому не могу ясно мыслить.

Я вывожу машину, он тушит сигарету и молча садится на пассажирское сиденье, даже не взглянув в мою сторону.

Немного проехав, я решаюсь спросить:

– Ты слышал наш разговор?

Он молчит. Эта давящая тишина практически душит. Тишина. Автор Тиган Доу. Считай, название книги.

Я включаю музыку. Он так и не открыл свое пиво, просто

держит его в руках.

– Останови здесь.

Я вздрагиваю. Он вообще обычно мало говорит, а по утрам и того меньше. Тиг указывает на остановку, от которой только что отошел автобус. Я мельком смотрю на него и паркую авто. Он берет бумажный пакет, пиво и выходит из машины. Что он делает? Просто уходит? Он же не может вот так без причин взять и прогулять занятия!

Я наблюдаю в зеркало заднего вида, как Тиган обходит машину и переходит на противоположную сторону улицы. Он идет напрямик к бездомному, который живет тут уже несколько недель. Этот старик до сих пор здесь, сидит все на том же месте. Тиг приседает рядом с ним на корточки, отдает ему пиво, наш завтрак и пачку сигарет. Они обмениваются парой слов, а потом Тиг сразу возвращается в машину.

Наконец он поднимает на меня взгляд: смотрит своими серыми глазами так, словно не замечал меня до этого момента, и прикладывает два пальца к губам. Конечно, у тебя же больше нет сигарет, недотепа, я поняла.

– Нет времени ехать покупать новую пачку – опоздаем, а я не хочу сегодня оставаться после занятий.

Подняв брови, он внимательно смотрит на меня, а затем скидывает руки.

– Ага, нас оставят после уроков за опоздание даже несмотря на то, что мой отец – директор, – парирую я.

Он закатывает глаза и отрицательно качает головой. Мама

как-то спрашивала, как у меня получается так хорошо его понимать. Я и сама не знаю, но с ним мне вообще все кажется простым.

* * *

Я щурюсь, лежа на больничной кровати. *Теперь так просто уже никогда не будет.* И опять погружаюсь в воспоминания.

Я смотрю на свою тарелку без особого аппетита. Всякий раз, когда я пытаюсь поесть, меня накрывает волна отвращения, а сегодня еще сильнее, чем обычно. Джейсон сидит лицом ко мне через несколько столов. Он все время поглядывает на меня через спину Тига. От этого тошнит. Телефон вибрирует в руке. Опять сообщение от Джейсона? *Дьявол, дьявол, дьявол.*

«Чего такая бледная?»

Нет, это, наконец, проснулся Тиган. Он все утро кажется рассерженным. Я тут же отвечаю, что просто устала. Он присылает еще одно сообщение:

«Неправда, кого ты там высматриваешь за моей спиной? Елена, я сейчас устрою истерику».

Я сглатываю и заставляю себя отвести взгляд от своего мучителя. Молчу. Тиг ждет несколько секунд, а потом резко поворачивается, как раз в тот момент, когда Джейсон и его подельники встают из-за стола. Тиг обводит их взглядом, а

ПОТОМ ВНОВЬ СМОТРИТ НА МЕНЯ.

– Он там?

– Нет, – вру я.

Я опускаю взгляд обратно в свою тарелку. Тиг вдруг пинает меня под столом. Больно! Я пинаю его в ответ, а он смеется. Ему всегда смешно, когда я злюсь.

– Давай-давай, смейся. Больше никакого совместного душа.

– Ты серьезно? Ну ты чего, детка...

Я ухмыляюсь. Люблю, когда он меня так называет. Еще мне нравится, когда он забывает о своих проблемах и начинает разговаривать со мной так, словно, кроме нас, больше никого не существует.

– Конечно, серьезно.

Он хмурится и глядит на свою промежность. Нет! Только не говори, что ты опять...

– Дрянная девчонка, – вздыхает он.

Я взрываюсь от хохота так громко, что нас замечают девочки за столиком Софи. Они наблюдают за нами с ревностью. Они бы очень хотели, чтобы Тиг не отрывал от них взгляда и разговаривал только с ними, но нет: он предпочитает меня. Как же здорово, наконец, смотреть на них свысока. Колесо вращается. Они годами не обращали на меня внимания, потому что я была слишком толстая и никому не нравилась. А теперь Тиган Доу, мечта всех девчонок лица, сидит напротив меня и переплетает под столом свои ноги с

моими, словно боится, что я вот-вот убегу. Я думаю, он даже не подозревает, насколько популярен, и это мне нравится в нем больше всего. Он видит только меня, а на остальных ему наплевать.

Глава 5

Тиг

Наручник клацает о поручень инвалидного кресла. Копу, кажется, очень нравится то, чем он занимается. Он смотрит на меня сверху вниз, ухмыляется и разворачивается к выходу. Медсестра обходит меня сбоку и берется за ручки, собираясь толкать кресло. Я опускаю голову, и мы покидаем комнату.

Я не вижу большей части того, что происходит вокруг: впереди – спина полицейского. Да и то, что долетает до моего слуха, подтверждает: лучше избегать все эти тупые презрительные взгляды.

Мы проезжаем дальше, и, наконец, коридор пустеет. Я смотрю на кеды легавого. Он разговаривает с девушкой, которая катит мою коляску.

– И как давно вы тут работаете? – спрашивает он.

Скажи ей прямо, чего ты от нее хочешь, это сэкономит тебе уйму времени, придурок!

– В следующем месяце будет двенадцать лет.

– Двенадцать? Вы, наверное, уже привыкли таскать за собой таких вот подонков, – произносит он.

Я не шевелюсь, но это стоит мне таких усилий, что перехватывает дыхание. Кажется, она это замечает и молчит в ответ.

Вновь воцаряется тишина. Я разжимаю кулаки и поднимаю голову. В окно виден огромный парк. Медсестра тормозит. Эта остановка позволяет мне разглядеть людей, прогуливающих внизу. Несколько семей, разбегающаяся ребятня и старушка с собакой. Они все находятся в миллионе световых лет от моих проблем. Длиннющий коридор передо мной похож на всю мою жизнь: никак не могу рассмотреть, где он заканчивается. Я прикрываю глаза и борюсь с желанием разреветься, как ребенок.

– Вы курите? Может, оставим его в рентгенологии и покурим? – произносит коп позади меня.

Я вновь ловлю нить разговора у себя за спиной. Медсестра хихикает, я слышу, как открываются двери лифта. Кресло трогается с места, унося меня прочь от окна как раз в тот момент, когда я замечаю знакомого малыша, пробегающего между двумя ручьями. *Дьявол, подождите!* Кажется, это был Чеве. Я пытаюсь разглядеть его еще раз, но коп разворачивает кресло, и мы въезжаем в кабину лифта.

Что он здесь делает? Должно быть, глаза меня обманули. Я обознался, точно. Двери закрываются прямо передо мной. Позади эти двое все еще продолжают флиртовать.

– Может, лучше сейчас сходим? Я вообще-то должна присутствовать при рентгене, там понадобится моя помощь, –

поясняет сестра.

– Да, давайте сейчас. Он вряд ли решит удрать, пока мы выкурим одну сигаретку, не так ли? – хорохорится он, обращаясь ко мне.

Коп хлопает меня по плечу. Вот кретин. Ребра пронзает боль, но я не подаю вида.

– Поверьте, он едва ли может ходить без поддержки...

Медсестра выглядит смущенной. *Если бы я был на твоем месте и со мной заигрывал такой тип, я послал бы его куда подальше без лишних слов.*

Они наконец-то договариваются, и мы выходим из лифта.

Спустя несколько коридоров, пройдя через большие автоматические двери, мы оказываемся на улице, на входе в парк, который я только что разглядывал сверху. *Черт, как же здорово увидеть солнце! Пусть оно и не греет, это все равно приятно.*

Медсестра с копом отходят на несколько метров и прикуривают. Я встречаюсь с ней взглядом, и она возвращается обратно ко мне.

– Вы курите?

Я молча продолжаю смотреть на нее. Девушка достает еще одну сигарету и протягивает мне. Когда пламя зажигалки касается табака, я воскресаю. Она отворачивается и оставляет меня наедине с этим наслаждением. Я делаю самую долгую и глубокую затяжку в своей жизни. Я не курил уже несколько дней, потому вдыхаю так сильно, что закашливаюсь, но, дья-

вол, какой же это кайф. Я докурю ее до самого конца, черт возьми.

Кашель быстро отпускает, так что я затягиваюсь снова. Возможно, это последняя сигарета перед очень долгим перерывом.

Я посматриваю на проходящих мимо людей, стараясь не тарашиться на тех, кто замечает наручники на моем правом запястье. Интересно, знают ли они, кто я? Сосед говорил, что меня показывали по телевизору. Кто из них меня там видел? Думают ли они, что я тот самый тип, который пытался изнасиловать девушку в самый разгар вечеринки в лицее? Я, конечно, всякого дерьма натворил в жизни, но на такое точно никогда бы не решился.

Я затягиваюсь посильнее, и дым проникает глубже в мои легкие. Что бы там себе ни думал весь этот город, я-то знаю, что сделал и почему. И это был верный выбор: со всей этой шумихой Елене больше ничего не грозит. Я только надеюсь, что она сделает все необходимое, чтобы меня не упекли за это за решетку. Ведь я избил насильника, а не был им.

Сестра с полицейским возвращаются. *Черт, я ведь еще не докурил!* Я стараюсь добить сигарету. Ни за что не затушу, пока не выкурю ее всю, и это даже не обсуждается.

– Давай заканчивай, нам пора, – бросает мне коп.

Разбежался, скотина.

– Оставьте его, время еще есть... – Медсестра старается вставить свои пять копеек.

Но копу плевать. Он пытается выхватить из моих рук это мимолетное счастье. Я уворачиваюсь, ребра тут же напоминают о себе, но я через боль делаю еще одну затяжку.

– Эй, хватит тут играть со мной!

А я и не играю, идиот. Я пристегнут к инвалидному креслу, а ты даже окурок у меня отнять не можешь! Иди к черту!

– Осторожнее, пожалуйста, ты чуть не упал!

Я впадаю в ступор. Мне слишком хорошо знаком этот голос. Коп выхватывает сигарету, от которой осталась еще добрая половина, и, бросив на землю, с гордостью растирает ее ботинком, но мне не до этого. Мой взгляд прикован к мальцу, который бежит туда-сюда прямо перед моим носом. За ним следом бежит его мать – Энджи.

Мы встречаемся взглядами. Она бледнеет. Черт, она бледнеет, вместо того чтобы, как обычно, улыбнуться мне – меня почему-то прошибает пот.

Малец, наконец, останавливается и тоже замечает меня. Он расплывается в улыбке и уже собирается побежать в мою сторону, но мать хватает его за плечо.

– Нет, Чеви... Идем обратно.

Она его подталкивает, и они проходят мимо нас, пока медсестра разворачивает коляску. Мне хочется вопить во все горло, хочется спросить приемную мать, почему она не подходит. Ответ пронзает мой мозг: *«Она думает, что ты хотел изнасиловать ее дочь»*. Она ведь явно испугалась, когда

меня увидела.

Они входят в здание прямо перед нами. Этот полицейский настолько тупой, что ни во что не врубается – так и пытается приударить за медсестрой.

Энджи с мальцом направляются к лифту. *Моя львица здесь, иначе что бы они тут делали?*

– Прощу прощения, – слышу я позади себя.

Я узнаю и этот голос. Директор пробирается мимо копа и догоняет жену с ребенком. Он меня не заметил, и это, несомненно, к лучшему. Боюсь, он без раздумий разорвет меня на части, как только увидит.

Мое кресло останавливается. Мальчишка неловко машет мне ручкой, и я ловлю на себе пристальный взгляд приемного отца как раз перед тем, как закрываются двери лифта, уносящего их вверх.

На меня наваливается такая тяжесть, по сравнению с которой вся предыдущая не считается. *Успокойся, черт возьми!* Слава богу, лифт закрылся вовремя. Только это и спасло меня от еще большего краха. Потому что, судя по выражению его лица, директор жаждет моей смерти, я в этом уверен.

Глава 6

Елена

Вот уже больше часа ничего не происходит. Я включила телевизор в надежде, что, может, ему удастся заглушить мою боль. *Тиг этажом выше.* Если бы мне только удалось выйти отсюда и подняться к нему. Он ведь, наверное, даже не знает, что я тоже здесь...

В дверь стучат. *Черт, я тут одна, без поддержки! Кто это может быть?* Меня захлестывает неконтролируемая волна паники. А вдруг Джейсон знает, что я здесь? Пока мой мозг судорожно строит теории, дверь открывается и впускает неизвестную мне женщину. Судя по халату, это врач.

– Здравствуйте, мисс Хиллз, – произносит она, закрывая за собой дверь.

Очевидно, что бояться нечего, но я все равно очень взволнована. Видимо, страх вновь повстречать Джейсона гораздо сильнее, чем я думала. Я судорожно хватаюсь за одеяло. Неужели он настолько глубоко меня ранил? И оставшиеся от него рубцы не на коже – вылечить такие шрамы будет в разы труднее, чем физические раны. Я сломлена. *Я-то надеялась, что со временем все забудется...*

Я с трудом выпрямляю спину.

– Как вы себя чувствуете сегодня?

– Хорошо...

Зачем я вру? Не понимаю. Может, из гордости?

Она садится на стул, где ранее сидела мама, и улыбается.

Я несмело улыбаюсь в ответ, только из вежливости.

– Меня зовут доктор Нейл. Я дежурила, когда вас привезли сюда.

Я не помню. Когда Тига увели от меня в раздевалке, я закрыла глаза, а открыла уже здесь, в присутствии до смерти перепуганных родителей.

– Еще ощущаете ломоту? Я планирую снизить дозу болеутоляющих. Как считаете, вы к этому готовы?

Я молчу. Я вообще ни к чему не готова. *Мне нужно быть такой же сильной, как он, чтобы начать двигаться дальше...*

– Я сейчас вас послушаю, чтобы убедиться, что вы идете на поправку. Договорились?

Нет! Я испытываю совершенно необъяснимый и неконтролируемый страх. Я молча разглядываю свои руки. После недолгой паузы она вновь обращается ко мне:

– Можете не снимать одежду. Я только послушаю легкие, измерю давление и осмотрю глаза. Вы в любой момент можете меня остановить.

Я с трудом поднимаю на нее глаза, она мило улыбается. *Ну же, Елена...* Я немного сдвигаю одеяло, чтобы встать.

– Можете не вставать. Как вам удобнее, – говорит она.

В любом случае сил держаться на ногах у меня сейчас почти нет... Я слишком мало ела в последние дни.

Осмотр начинается, очень спокойно и неторопливо. Она слушает сердце стетоскопом, просит подышать. Это очень тяжело. Я дышу прерывисто и никак не могу сдержать слезы, льющиеся ручьем по щекам. Она стоит так близко – это уже слишком. Меня знобит, руки дрожат.

– Уже почти все, – тихо произносит доктор Нейл.

Я сглатываю. Врач измеряет давление, оно оказывается сильно повышенным. *Так и есть.* Мне кажется, сердце вот-вот выпрыгнет из груди.

Самый тяжелый момент – когда она трогает мое лицо, чтобы осмотреть синяки. Я не выдерживаю и резко отодвигаюсь.

– Вы слишком близко, – сухо произношу я.

Если бы моя мать была здесь, она попросила бы меня прикусить язык. Но вместо этого – давящая тишина. Доктор хмурится и отступает, но затем вежливо улыбается.

– Не страшно, основное я осмотрела. Не переживайте: такая реакция нормальна в вашей ситуации. Не спешите, вам нужно время, чтобы прийти в себя.

Вытерев слезы, я тихонько киваю. Очень хочется попросить прощения, но не выходит, поэтому я просто отвожу взгляд.

– Я зайду завтра. Если давление нормализуется, сможете поехать домой. Там вы будете чувствовать себя спокойнее.

Поехать домой... Я хочу только одного: свернуться клубочком на кровати Тига и все забыть.

– Если вам что-нибудь понадобится, в любое время, даже ночью, в комнате отдыха в конце коридора постоянно дежурит медсестра, не стесняйтесь, зовите ее. И сегодня очень хорошая погода, сходите прогуляться.

Доктор Нейл встает и выходит. Не успеваю я лечь обратно в кровать, как возвращаются родители и Чеви. Одного взгляда на них достаточно, чтобы понять: что-то не так. В такой давящей атмосфере даже дышать тяжело.

– Это врач к тебе заходила? Мы встретили ее в коридоре, – говорит отец.

Тон у него совсем не дружелюбный, поэтому я молчу в ответ. Мама просит Чеви повесить плащ, и все они рассаживаются напротив. Чеви не может усидеть на месте. Он всегда так себя ведет, когда я делюсь с ним каким-нибудь секретом, а он пытается не проговориться. Он аж подпрыгивает на своем стуле.

– Так что тебе сказал доктор? – спрашивает мама.

Я отворачиваюсь от Чеви и стараюсь не смотреть на отца: от этого его взгляда кровь стынет в жилах. Не понимаю, что я такого натворила, чтобы заслужить подобное.

– У меня давление зашкаливает, но, если завтра станет лучше, меня отпустят домой. – И это все, что у меня получается сказать.

– Тебе стоит поспать, у тебя усталый вид, – произносит

папа.

Я киваю, а потом опускаю взгляд на Чеви.

– У тебя все хорошо? Ты чего скачешь?

Он мельком смотрит на родителей, а затем корчит рожу.

– Ладно, мы поехали. Утром вернемся и...

– Я видел Тига!

Дьявол. Мое сердце пускается вскачь, и я начинаю задыхаться.

– Чеви! – бросает ему мама.

Родители готовы прибить Чеви, а я – их: они его видели и не собирались мне об этом рассказывать.

– Он весь в синяках, и на нем наручники, Елена! Ты знаешь почему? Я вот...

– Чеви, достаточно! – прерывает его отец.

Я с силой стискиваю зубы, но этого все равно недостаточно, чтобы сдержаться: руки дрожат, а на глаза наворачиваются слезы. Мама быстро подходит ко мне, чтобы обнять, но я ее отталкиваю. Не хочу, чтобы она меня касалась. Мне это не поможет.

Папа хватает Чеви за руку и ведет к выходу.

– Папа, почему она плачет?

– Сложно объяснить, Чев. Пойдем, подождем маму снаружи.

Дверь захлопывается. Я протискиваюсь мимо мамы и, собрав все свои силы, закрываюсь в ванной. Мне стыдно за собственную слабость, но еще более стыдно за то, что его зако-

вали в наручники, хотя он ничего не сделал.

– Елена! – зовет мама, поняв, что дверь заперта.

– Оставь меня!

Она молчит. Я прислоняюсь спиной к стене и сползаю на пол. Больше нет сил стоять. Из-за двери доносится испуганный голос матери.

– Елена, пожалуйста, давай поговорим!

– Убирайся!

Теперь еще больше, чем раньше. Обжигающие слезы кажутся по щекам.

Глава 7

Тиг

Никогда не забуду этот взгляд, которым смотрел на меня приемный отец, перед тем как исчезнуть за дверями лифта. *Черт, как они могут думать, что я пытался сделать что-то подобное с моей львицей?*

Мои нервы напряжены до предела. *А вдруг Солис тоже так думает?* Чувство беспомощности перед лицом этой ситуации изматывает, и я ничего не могу с этим поделать. Они же знают меня, они знают, что я на такое не способен. Отсюда вопрос: действительно ли они меня понимают? Видели ли они во мне что-то большее, чем просто сироту, покрытого татуировками и готового в любой момент оказаться за решеткой? А я вообще давал им возможность заглянуть глубже?

Однажды Солис сказала мне, что люди понимают, какой им дали шанс, только когда упускают его. И она права. Я тогда посмеялся над ней, но сейчас, прикованный к этой кровати, осознаю, что мне довелось прикоснуться к счастью, пока жизнь не отняла его у меня. У меня была семья Хиллз и моя львица... Я скучаю даже по субботним вечерам, когда

мы с приемным отцом садились покурить и он донимал меня своими заумными монологами. Все безвозвратно ушло, все изменилось, и это ужасно.

Солнечный луч медленно ползет по стене напротив. Когда меня привезли с рентгена, соседская кровать оказалась пустой. Надеюсь, этот придурок не вернется, от него так воет.

Не знаю, сколько времени уходит, пока я размышляю обо всем. Боль подступает со всех сторон. Больно, даже когда я не двигаюсь. Я, как обезумевший, снова и снова давлю на кнопку вызова персонала. *Куда подевались все медсестры? Обычно они сразу прибегают, чтобы побесить меня.* Я делаю передышку, и, наконец, появляется девушка в халате. Она меняет пластиковый пакет, подсоединенный катетером к моему предплечью, и исчезает.

Я пробовал курить всякие вещества, изменяющие сознание, но морфин, который они вливают прямо в мою вену, уносит меня гораздо быстрее. Я забываюсь, да, я совершенно точно погружаюсь в сон, и мне больше не больно.

* * *

Тогда

Я закручиваю косяк. Бенито оставил столько травки, что с учетом нашей скорости нам хватит на несколько месяцев. И он отсыплет еще, как только я попрошу, а может, даже без моего напоминания. Сначала затынусь я, потом – директор. Он такой забавный, когда накуривается.

Дэниэл со смехом отвлекается от своего мобильного. Кажется, будто он только что прочитал самое смешное сообщение на свете.

– Чеви разбил тарелки, пока бегал накрывать на стол. Теща сойдет с ума, когда узнает, что ее французский сервиз отправился в мусорное ведро.

Я смеюсь. Думаю, он любит свою тещу. Я прикуриваю, и он осекается. Упс.

– А ты не забыл про правила этого дома, мм? – спрашивает он.

Я ухмыляюсь. Черт, точно. «Сначала открываем пиво, потом прикуриваем косяк». И никак иначе. Этих правил просто уйма: некоторые приятные, некоторые не особо. В прошлую субботу он выдумал очередное дурацкое правило:

«Нельзя возбуждаться на глазах у его дочери». «И за ее спиной тоже» – отличное дополнение. К черту! Это единственное правило, которое я не уважаю.

Я встаю, не вынимая косяк изо рта, чтобы взять протянутое им пиво, и благодарю его кивком головы.

– Как насчет остальных правил?

Да-да, я понял, старик! Я отдаю ему косяк. Правило номер два: «Первым затягивается старший».

Директор делает глубокую затяжку. Невероятно. Никогда бы не подумал, что однажды буду совмещать эти вещи: рубашка в пингвинах, марихуана, книга по философии и свежее пиво. В целом звучит круто.

Он поднимает пиво для тоста:

– За Чеви. За то, что он наконец-то освободил меня от этого ежегодного «Вы ведь поставите на стол мой французский сервиз?» – произносит Дэниэл, пародируя голос тещи.

Я смеюсь в ответ и тоже поднимаю бутылку перед тем, как отпить.

Приемный отец возвращает мне косяк и выуживает очередную книгу. Черт, опять начнет сейчас пороть свою горячку. Надо как можно скорее докурить и сматываться.

– Позволь-ка я почитаю тебе кое-что из этого шедевра, – весело говорит он, открывая случайную страницу.

На обложке красуется название: «Мир Софии». *Дьявол, неужели существует книга про эту стерву?* Надеюсь, это не какая-нибудь нудятина.

– Погоди, я найду фразу получше, – цедит он сквозь зубы. – А, вот, послушай: «Человек обречен быть свободным».

Я жду продолжения, но он поднимает на меня взгляд, светясь от гордости. И все? Мы смотрим друг на друга. Этот черт, похоже, ждет моей реакции. Я удивленно поднимаю брови. *Чувак, я ничего не понял!*

– Ну и? – подбадривает он.

Этого мало? Он улыбается, ожидая, что я что-то отвечу. Надо затянуться. *Человек обречен быть свободным?* Я вдыхаю дым.

– Это глупо. – Все, что у меня получается выдать.

У него отвисает челюсть. То ли оттого, что я вообще заговорил, то ли оттого, что я так пренебрежительно высказался об этой идее.

– Глупо? Реалити-шоу – вот что глупо, а это очень глубокая мысль, малец, – отвечает он. – Тебе стоит хорошенько пораскинуть мозгами, чтобы понять смысл, сокрытый в этой фразе. «Человек обречен быть свободным» – у тебя это хоть с чем-то ассоциируется?

«С тюрьмой», – думаю я, но вслух ничего не говорю и отвожу взгляд.

– Я вот, например, сразу представляю себе Елену, – сообщает он.

Что? Что общего у моей львицы с этой фразой? Я качаю головой.

– Даже странно переводить все на себя, когда мы обсужда-

ем такое, – шепчет он себе под нос. – Грубо говоря, моя дочь – явное олицетворение того, о чем это высказывание. Елена свободна. И она должна оставаться свободной. Она обречена на свободу.

Я зависаю. *О чем он вообще говорит?*

– Я абсолютно ничего не понимаю, – отвечаю я.

Возвращаю ему косяк, может, от него у приемного отца прояснится в голове.

– Ты слишком много куришь, поэтому тебе и не понять, – говорит он, указывая на косяк. – Смотри: я обрекаю Елену оставаться свободной. Короче говоря, она не замужем и должна таковой остаться.

Я издаю смешок и делаю очередной глоток. Отчим не любит, когда я реагирую смехом на его слова, он даже для этого специальное правило придумал: «Кто посмеивается, тот не курит дурь».

– Так-так, ты пропускаешь, – он поднимает косяк к потолку.

Вот прохвост. Я показываю ему средний палец.

– В этом жесте есть какой-то скрытый смысл? – спрашивает он в ответ.

Я переворачиваю кисть пальцем вниз, и он довольно быстро парирует:

– Надеюсь, все эти жесты не имеют отношения к моей дочери, потому что у меня для тебя, Тиган Доу, есть новое правило, и суть его в том, что мой кулак обязательно встретит

твою смазливую мордашку, – ворчит директор.

Я заливаюсь смехом, затем киваю и примирительно пожимаю плечами. Он вскипает, но быстро берет себя в руки – вот что мне нравится в этом типе. Я почти завидую его самообладанию.

– Ну что ж, ты-то, наверное, при этой фразе подумал о тюрьме.

– Ага, – вырывается у меня само собой. Мне бы очень хотелось в этот раз обломать приемного папашу, но это вышло против моей воли. Какая ирония!

– Ничего, эти два слова: «осужденный» и «свободный» – много для тебя значат... Но ведь время идет, скоро эти слова будут ассоциироваться у тебя с любовью. Но не к моей дочери, конечно, уж поверь мне.

Он протягивает мне косяк, но меня так пробирает смех, что сдержаться не выходит. *Черт возьми!* Он улыбается: я опять в полете.

– Да ты совсем не дружишь с правилами!

От его издевательского тона я не выдерживаю:

– Точно, особенно с последним. У меня постоянный стояк от твоей дочери, мужик.

Он судорожно сглатывает и собирается возразить, как вдруг звучит голос из коридора.

– Тиг! Ты чем тут занят?

Я вскакиваю от этого грозного тона. Мне лучше пошевеливаться. Мы же собирались готовиться к занятиям, я со-

всем забыл. Не то чтобы забыл... Просто думал, что у меня еще есть время.

Я встаю и, перед тем как поставить пиво на стол, делаю последний торопливый глоток. Приемный отец хохочет.

– Знаешь, как называют таких, как ты? – спрашивает он, когда я уже подхожу к двери.

Еще бы! Я приставляю руки к затылку, изображая кролика, и Дэниэл взрывается от смеха.

– Именно, сынок!

Я открываю дверь. Моя львица похожа на разъяренную фурию.

– И не забудь, что я запрещаю тебе вести такую же бурную половую жизнь, какую ведут эти звери! – добавляет он. – По крайней мере, не с моей дочерью!

Елена останавливается как вкопанная. *Вот зараза! Он меня с ума сведет.*

– Ну и вонь! Чертовы наркоманы... – вздыхает она. – Ох, и влетит вам от мамы.

Наш с отцом смех разом стихает. Я закрываю за собой дверь и целую свою львицу. Я ведь и в самом деле кролик-самоубийца. Если бы директор только знал, что все его подозрения давно претворились в жизнь под самым его носом, и это происходит вот уже несколько недель – он бы меня прибил.

* * *

Я открываю глаза. Очередная медсестра снова что-то делает у изголовья моей койки. Так это был сон. Никакого косяка на самом деле не существовало.

– Я сниму швы с вашего лица, – говорит она.

Через мгновение девушка достает маленькую стерильную ванночку, направляет свет мне на лоб и принимается за работу. Я лежу с закрытыми глазами, жду, пока она закончит и пойдет к выходу, где ее перехватит все тот же коп-извращенец.

Глава 8

Елена

Не знаю, сколько времени я провела на холодном полу в ванной, но унять слезы так и не получилось. Мама все так же сидит за дверью и повторяет, как сильно меня любит и что всегда готова прийти мне на помощь. От этого становится только хуже.

Наконец, я встаю, едва не свалившись от головокружения. Умывальник оказывается хорошей опорой, но отражение в зеркале заставляет меня вздрогнуть: я выгляжу ужасно. Я могла бы сняться в эпизоде *«Ходячих мертвецов»*¹ без грима. Глаза покраснели от слез, лицо осунулось. Я сильно исхудала. Тиг меня не узнает.

Оторвавшись от зеркала, я открываю дверь. Мне с трудом удастся убедить маму, что все в порядке, и она, наконец, соглашается уйти.

И вот я стою под струями горячей воды. Такой горячей,

¹ «Ходячие мертвецы» (англ. The Walking Dead) – американский постапокалиптический телесериал, разработанный Фрэнком Дарабонтом и основанный на одноименной серии комиксов, созданной Робертом Киркманом, Тони Муром и Чарли Адлардом. В центре сюжета небольшая группа людей, пытающаяся выжить во время зомби-апокалипсиса.

какую только могу выдержать. Кожа покраснелась, но я не спешу выходить – грязь все никак не смывается. Такое чувство, что я никогда не смогу стереть ощущение прикосновений Джейсона. Неужели это никогда не пройдет? Я могла бы забыть обо всем и восстановить душевное равновесие только с Тиганом.

Неохотно выключив воду, я одеваюсь и зарываюсь в кровать. Ночь будет долгой.

Я изо всех сил стараюсь не паниковать, но все равно дергаюсь. Свет погашен. Невозможно сомкнуть глаз: в голове сразу начинают проноситься жуткие воспоминания того вечера, одно за другим. Пот катится градом по лбу, но согреться не выходит. Я обшариваю привезенный мамой чемодан с вещами, нахожу и надеваю толстовку и, не снимая капюшона, возвращаюсь в кровать.

Минут через десять я перебираюсь в кресло. Затем выглядываю в коридор. *Он здесь. Они его видели.* Если бы я пошла прогуляться с родителями, я бы тоже с ним встретилась, обняла бы его, попросила прощения и, возможно, увидела бы в его глазах прощение. Я очень надеюсь, что он не винит меня, но кто знает. Логично было бы считать меня виноватой: ему вменяют изнасилование, а я замалчиваю правду. Почему? Почему всякий раз, как меня об этом спрашивают, я впадаю в ступор? Врач сказала, что таков защитный механизм сознания, так оно пытается справиться с шоком, но именно из-за этого я не могу помочь Тигу. Так что, можно сказать,

я его предала.

Кошмар!

Стук сердца отдается в голове. Я бросаю последний взгляд на кровать, в которой я пряталась целую неделю. *Шевелись, Елена!*

Собрав волю в кулак, я обуваюсь и выхожу из комнаты. Свет в коридоре реагирует на движение. Он включается и ослепляет так неожиданно, что мне требуется несколько секунд, чтобы рассмотреть лифты в конце коридора. Женские голоса доносятся из-за приоткрытой двери одной из комнат. Я останавливаюсь рядом и слышу обрывки какого-то бессмысленного разговора. Дежурные медсестры обсуждают свою жизнь.

Я пробегаю мимо как можно скорее. Кажется, никто меня не заметил. Тем лучше.

Вот лифт, нужно нажать кнопку вызова. Секунды ожидания тянутся бесконечно. Я несколько раз оборачиваюсь в сторону комнаты с болтающими медсестрами, и двери лифта наконец открываются. Я запрыгиваю в кабину как раз в тот момент, когда сестры выходят на последний обход перед ночным дежурством. После этого на весь этаж останется только одна сестра – будет посапывать в комнате отдыха в другой стороне коридора. Они обе удивленно смотрят на меня. Я уже собираюсь нажать кнопку, как одна из них обращается ко мне:

– Мисс Хиллз, куда вы?

Я не могу им рассказать, что собралась сделать. Они подбегают и блокируют двери лифта. *Вот дьявол!*

– Ну, я... я собиралась...

– Подышать воздухом? Но уже почти одиннадцать вечера, – отрезает одна из медсестер.

Думай, Елена, думай!

– Я... не решалась днем, там было так много народу...

Пожалуйста, не надо больше вопросов, я не смогу больше ничего придумать. Они на секунду хмурятся, а потом одна из них вдруг расплывается в улыбке.

– Твои родители не в курсе, что ты куришь, так ведь?

Что за черт, я не курю! Но было бы глупо не ухватиться за соломинку, которую она сама мне протягивает.

– Ага. И в комнате курить не хочется...

– Ничего, можешь подняться на шестой, там есть специальная терраса для курящих. Тебе тогда не придется идти через всю больницу, – советует она.

Я скромно улыбаюсь в ответ. Медсестра сама нажимает для меня кнопку нужного этажа и, пока двери закрываются, произносит:

– Я рада, что ты наконец-то вышла из комнаты.

Да, я тоже рада.

Двери разъезжаются на шестом этаже. Здесь пустынно и темно. Озираясь, я выхожу из кабины. Я ведь не имею ни малейшего представления о том, в какой палате лежит Тиган! Я иду по коридору, заворачиваю и резко останавливаюсь: у од-

ной из дверей сидит коп. Я прячусь в тени, чтобы он не заметил. *Точно, Тиг должен быть именно в этой комнате.*

Я прислушиваюсь – ни звука. Полицейский иногда разминает ноги, но от двери не отходит. Я стою, все так же прижавшись к стене, как вдруг внезапно дверь открывается, и откуда ни возьмись появляется медсестра, погруженная в чтение чьей-то истории болезни. Я отодвигаюсь к стене, но она меня и так не замечает, и исчезает в коридоре с полицейским.

– Ну что, красотка, закончила? – обращается он, очевидно, к ней.

– Да, наконец-то. Долгая смена. Ну, а вы еще на дежурстве?

– Сменщик будет с минуты на минуту. Так, может, я не знаю... пропустим по стаканчику?..

Голоса постепенно стихают, и наступает тишина. Я выглядываю на мгновение и вижу, как они исчезают в другом конце коридора. Это мой шанс. Я передвигаюсь так тихо, как только могу, и заскакиваю в комнату, которую только что охранял коп. Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы я не ошиблась! Дверь бесшумно закрывается, и я оглядываюсь. Здесь стоит пустая кровать. *Черт. Его что, увезли?*

Я уже готова расплакаться, как вдруг в глубине комнаты происходит какое-то движение. Я делаю несколько шагов, и меня внезапно охватывает страх. Почему я вышла из своей комнаты, не зная точно, куда идти? А вдруг я по своей воле попала в лапы к волку? А вдруг Джейсон тоже лежит в этой

больнице? Что, если это его комната?..

Я опять слышу шорох. В комнате так темно, что я различаю только огромный силуэт, повернутый спиной ко мне и лицом к противоположной кровати. Но что я точно смогу узнать в любой ситуации, так это руку в татуировках, протянутую к какой-то штуке в изголовье кровати.

– Тиг?

От звука моего голоса он оборачивается и вскакивает.

Глава 9

Тиг

Едва я успеваю обернуться, как Елена запрыгивает на меня, со всей силы сжимая в объятиях. Сердце готово выскокить из груди, ведь мы так долго были в разлуке.

Я в шоке отстраняюсь. *Черт, откуда она взялась?*

Капюшон, скрывающий ее лицо, спадает, и я зарываюсь носом в ее волосы. Да, это точно она. Надеюсь, я не сплю. Если вдруг все это окажется ложью, я не переживу.

– Тиг... – Она плачет у меня на груди.

Влажной щекой она жметя к моему телу, и пусть мне тяжело стоять, но я ее не отпускаю. Я прижимаю ее к себе единственной свободной рукой. Она обнимает меня в ответ. Это самые лучшие мгновения во всей моей жалкой жизни.

Елена отстраняется и обхватывает руками мое лицо. Я смотрю на нее: она так исхудала, на лице – печать произошедшего. Теперь я точно никогда не пожалею, что избил их всех.

– Прости меня... Мне так жаль. Это все моя вина, – лепечет моя львица.

Я целую ее, чтобы прервать этот поток. *Черт, Елена, мне*

тебя так не хватало. Так сильно не хватало! И не говори ерунды, ты ни в чем не виновата!

Мое тело требует передышки, дышать становится тяжело. Мне нужно лечь, ребра изнывают от боли. Елена пугается и отрывается от меня.

– Черт, Тиг, ты как? – шепчет она.

Сейчас в ее взгляде нет никакой дерзости, одна лишь паника. Она выглядит такой слабой. Я глажу ее по щеке свободной рукой. Я бы очень хотел ей сказать, что все хорошо и что не о чем беспокоиться, но слова не идут. Так что я отвожу взгляд и опираюсь о кровать. Елена дрожит. Я тяну к ней руку.

– Иди ко мне, детка.

Тон не слишком уверенный, но, по крайней мере, я сказал хоть что-то. Она подходит ближе и касается моего лица.

– Болит?

Я отрицательно качаю головой, но ее не провести. Елена хмурится. А потом наклоняется и покрывает поцелуями мои синяки. И каждая гематома получает от нее свою долю волшебного исцеления. Затем Елена спускается ниже, к груди, и даже повязке на левом боку достается немного ласки. Мне так больно, что я непроизвольно морщусь.

– Прости-прости, – нежно говорит львица.

Вдруг как гром среди ясного неба открывается дверь. *Дьявол, я совсем забыл про того копа, что дежурит в коридоре. И как она вообще смогла пройти мимо него?*

Я толкаю ее в сторону ванной, но Елена огибает кровать и исчезает под ней как раз в тот момент, когда входит полицейский. Если он ее увидит, я ничего не смогу сделать – я ведь все еще прикован к этой чертовой кровати.

– Чего вскочил? Ты должен оставаться в койке, ясно? А не то я и ноги тебе пристегну, – угрожает он.

Ох, слава богу, легавый ее не заметил!

Мы смотрим друг на друга, и он назло мне резко включает свет. Я жмурюсь и опускаюсь на кровать. *Пусть подавится!*

– Ложись, – командует он.

Он меня бесит, но я подчиняюсь. Приходится поступиться гордостью, лишь бы он поскорее свалил. Я ложусь, кряхтя от боли – ничего удивительного в моем состоянии. Как только я оказываюсь в кровати, коп пронзает меня презрительным взглядом и идет осмотреть ванную.

– Ты где-то достал мобильный? Я слышал голоса.

Напряжение нарастает. Он возвращается, так и не заметив Елену. Я практически готов благодарить Бога, когда полицейский, наконец, собирается уходить. Свет гаснет, хлопает дверь. Тишина. Кажется, я не дышал все это время. Елена выжидает еще несколько секунд и, поскольку больше ничего не происходит, поднимается на ноги, тоже шурясь.

Я смотрю на нее с вопросом. Елена отвечает одними губами: «Устала». Я всматриваюсь в дверь, а затем подаю знак, чтобы она ложилась на кровать вместе со мной. Если это наша последняя встреча, хочу быть рядом как можно дольше.

Елена забирается в мою постель и пристраивается рядом. Рука, прикованная к койке, ложится рядом с ее бедрами. Свободной рукой я глажу все, до чего могу дотянуться. Первой оказывается щека, влажная от слез. Моя львица дрожит. Я с трудом натягиваю одеяло. Она мне помогает, но каждое мое движение отзывается болью – это ужасно.

– Мне так тебя не хватает, – шепчет она.

Я молча целую ее волосы. Она все понимает без слов и прижимается сильнее, но от боли у меня вырывается стон. Елена сразу же замирает.

– Прости, Тиг...

– Ничего-ничего, все в порядке, крошка, не бойся. Это всего лишь ребра, – шепчу я как можно тише.

Я через боль наклоняю голову, чтобы взглянуть на нее. Елена плачет. Я смахиваю слезы с ее лица, она приподнимается и целует меня. Целует так, словно я – ее воздух, словно мы вместе в последний раз. И я так боюсь, что это окажется правдой.

– Я думала, ты винишь меня. Что оттолкнешь меня, и...

– Никогда, – отрезаю я. – Ты же знаешь, что я...

...я слишком сильно тебя люблю! Черт, я не могу сказать это вслух. Слова роятся внутри и режут сердце. Я сжимаю зубы.

Моя львица застыла в ожидании продолжения. Если я не скажу ей это прямо сейчас, возможно, случая больше не представится. Но у меня ничего не выходит. Так что я за-

крываю глаза, сдерживая вспыхнувшую злость на самого себя. Больше не буду себя заставлять. Я даже Солис ни разу не признавался! Так почему я решил, будто теперь с моей львицей все будет проще?

Не дождавшись окончания, Елена прижимается носом к моей шее и глубоко вдыхает.

– Я тоже люблю тебя, Тиг...

Дьявол! Это еще более жестоко, чем я себе представлял. Я притягиваю ее к себе и целую снова и снова. Я делал бы это всю ночь напролет, если бы только это помогло мне остановить время.

Глава 10

Елена

Тогда

Тиг в костюме? Кажется, я никогда не забуду этот момент и этот День благодарения. Мы впервые отмечаем его вместе. В жизни не видела никого более симпатичного. И безумнее всего то, что именно на меня он сейчас смотрит с таким вождением. Я знаю, он ненавидит брюки со стрелками и рубашку с галстуком. Но желание сделать мне приятное сильнее.

Мы сбегает вниз по лестнице, впрочем, наверное, слишком быстро. Ну же, Елена, это всего лишь платье! Его выбрал Тиг, и я по-прежнему считаю, что оно слишком узкое, однако он не сдастся: по его мнению, оно идеально. И, несмотря на его пылкие взгляды, я топчусь в прихожей и не хочу входить. Внутри слышны голоса. Это противная Софи и ее отец.

– Ну что, не пойдем? – вдруг шепчет Тиг мне на ухо.

Только он способен заставить меня смеяться в такой момент. Моя нервозность тает, точно снег на солнце. Но я все

еще боюсь того, что меня ждет: придется показать всем вокруг, как изменилось мое тело. Не пойти на День благодарения? Почему бы и нет? Можно прогуляться, а потом пойти наесться до отвала в каком-нибудь фастфуде под стать нашим нарядам с иглочки. И завалиться в бар, как в прошлый раз с Бенито. Тиг был бы в восторге! Но моя мать не выдержит такого удара.

– Нет. Мама сойдет с ума, – шепчу я в ответ.

Я вижу по глазам, как его надежда на побег неумолимо тает.

Дыши! Это всего лишь облегающее платье! Я разглаживаю ткань ладонями, будто от этого оно вдруг должно чудесным образом измениться.

– Эй, ты красотка, точно говорю.

Его голос обладает какой-то особой властью надо мной. Он обволакивает жестко и мягко одновременно, и я могла бы слушать его вечно. Тиг словно ласкает меня словами всякий раз, как начинает говорить.

Я оборачиваюсь к нему. Взгляд полон чувства, которое мне сложно описать словами. Тиг – мастер разговаривать глазами, и сейчас они обещают мне столько приятного.

– Ага, ты тоже красотка, – отвечаю я.

Он на секунду хмурится, а после взрывается от смеха, покачивая головой.

– Тиг, Елена, это вы? – кричит мама откуда-то из глубины гостиной.

Черт, нас поймали! Обратного пути нет.

Мы оба рефлекторно осматриваем друг друга. У Тига такой вид, словно он готов прямо сейчас сорвать свой галстук, а потом и мое платье (правда, платье – уже с другой целью). Я поворачиваюсь к нему спиной и вхожу в клетку со львами.

Вежливо послать ко всем чертям отца Софи – отличное начало вечера. У Софи чертовски короткая юбка и очень глубокое декольте, что выглядит крайне вульгарно. Она постоянно сверлит Тига взглядом – кажется, сегодняшний вечер закончится убийством. Слава богу, Тиг... *Черт, где он?*

Не отрываясь от диалога, в который меня только что втянул отец, я оборачиваюсь и замечаю, как мой сирота пытается улизнуть на улицу. *Сигарета зовет.*

Мы пересекаемся взглядами с Софи, и я понимаю, что она его тоже заметила и собирается последовать за ним. *Вот шлюха! На этот раз точно прибью ее. Будет даже жаль испортить этот вечер.*

Я делаю три шага и останавливаюсь из-за звонка в дверь. – Елена, можешь открыть? Я тут очень занята на кухне, – кричит мама.

Отец жестом просит меня поторопиться. *Черт, да они издеваются! Тига сейчас, возможно, окучивает эта чокнутая нимфоманка.*

Я вздыхаю и отправляюсь к двери, чтобы нажать на кнопку домофона. Я уже на полпути, как вдруг появляется мама и хватается меня за руку.

– Милая, ты выглядишь великолепно! Ты сама выбирала платье? – спрашивает она.

– Нет, Тиг. Шантажировал меня, знаешь ли. Зараза.

– Следи за языком, дорогая. Ну что ж, у него отличный вкус. Вы оба выглядите восхитительно. И хорошо смотрите вместе...

Я прячу взгляд, а она, тихонько хихикая, отправляется обратно на кухню.

– Твой отец будет в бешенстве, когда узнает о ваших проделках, – бросает она напоследок.

– Нет у нас никаких проделок, мам...

Раздается звонок в дверь. Чеви пробегает вперед меня. Кто же там может быть? Не думала, что мы еще кого-то ждем.

– Мам, а кого...

Я не успеваю договорить, как вслед за младшим братом в дверном проеме появляется массивный силуэт. В одну секунду у меня перехватывает дыхание. Шоколадные глаза смотрят прямо на меня. *Черт, нет! Кто угодно, но только не он!*

Парень подходит ближе, а я стою как вкопанная и не могу сдвинуться с места. Он заложил язык за щеку так, что снаружи торчит бугорок. Не нужно быть гением, чтобы понять его намек. Это вызывает во мне такое сильное отвращение, что я едва могу дышать.

Маме он дарит свою самую широкую и самую фальшивую

улыбку. Сукин сын.

– О, Джейсон! Я так рада тебя видеть! А ты все хорошеешь и хорошеешь – пора бы уже остановиться, – весело говорит она.

Этот урод смеется и обнимает ее. Я незаметно проскальзываю в сторону кухни. Тиг, где же ты?

Я как можно скорее пересекаю прихожую в надежде, что Тиг вернулся.

– Куда это ты собралась? – бросает Джейсон мне в спину.

Со мной он говорит совсем иначе – высокомерно и повелительно, как в раздевалке. Я резко меняю траекторию и иду к гостиной с комом в горле. Он идет за мной. Прямо за моей спиной. Тошнотный запах его парфюма обволакивает меня. Папа и отец Софи с улыбкой протягивают ему руку для приветствия. Надо этим воспользоваться, чтобы найти Тига. Он наверняка все еще на улице. Скорее!

– Ох, Елена, ты в этом платье просто куколка!

Я даже пикнуть не успеваю, как Джейсон приподнимает меня и прижимает к себе. Точнее, к своей отвердевшей промежности. Эта секунда длится целую вечность. Вдруг откуда ни возьмись появляется Софи, а сразу за ней – Тиг. *Черт возьми, нет!*

Наконец Джейсон опускает меня на пол. Тиг одаривает нас взглядом настоящего серийного убийцы. Я отвожу глаза в сторону и сбегая как можно скорее. Игнорирую всех, кто пытается ко мне обратиться, боясь разреветься или начать

вопить от отвращения.

– Братец, ты смог к нам выбраться! – восклицает Софи.

Он здороваётся с ней, а затем направляется к Тигу, ожидая, что отец их познакомит. Но, когда он протягивает Тигу руку, тот не отвечает. Дьявол, если он догадался, что Джейсон – тот самый парень из раздевалки, все это может плохо кончиться.

– Елена, помоги мне, пожалуйста, – вклинивается мама. Я украдкой встречаюсь взглядом с Тигом. Его глаза полны непонимания, ярости и боли. Он выглядит совершенно растерянным, а мне ничего иного не остается, кроме как бежать.

Ужин в самом разгаре, а Тиг так и не притронулся к своей тарелке. Так же, как и я. Невозможно есть, когда Джейсон сидит рядом.

– Так значит, Тиган – так произносится? Что это за имя такое?

Я вздрагиваю. Если Джейсон будет слишком сильно напирать, Тиг попросту взорвется. Судя по его взгляду, он уже готов сунуть Джейсону нож между ребер.

– Оно ирландское! И обозначает «поэт»! – вскрикивает Чеви.

Разговор переходит в какое-то другое русло, а Джейсон наклоняется ко мне.

– Улыбнись, красавица... И поубедительней. А не то я устрою твоему парню счастливую тюремную жизнь. Глянь на

него: он уже явно готов меня прикончить, так что это будет не слишком сложно. Или, может, ты хочешь, чтобы он увидел, как я тебя целую?

Я сдерживаю рвотный позыв и улыбаюсь. Джейсон устраивает ладонь между моих ног, а я в этот момент стараюсь не смотреть на Тига. Джейсон проводит рукой и нащупывает трусики сквозь платье. Я вздрагиваю, но, кажется, только один Тиг это замечает. Мое лицо становится пунцовым. Пальцы Джейсона гладят ткань вверх и вниз, но делает он это так осторожно, что никто не улавливает движение. Мне хочется кричать во все горло, но, если я открою рот, Тиг его убьет, а я не хочу, чтобы он отправился в тюрьму. Поэтому я молчу и не двигаюсь.

Проходит несколько долгих секунд, и Тиг вскакивает настолько резко, что Джейсон отдергивает руку. Стул и тарелка разлетаются в разные стороны, и Тиган уносится прочь, словно торнадо.

Наконец на лестнице раздаются шаги. Я уже несколько часов пытаюсь дозвониться до Тига – безуспешно. Наверное, у папы получилось его разыскать.

Я жду в его кровати – мне нужно знать, о чем он думает. Он проходит мимо и замирает на секунду. Черт, кажется, все то, чего я боялась, может вот-вот случиться! Он, наверное, думает, что мы с Джейсоном... Но я не могу ничего ему рассказать, я даже представить себе не могу, что Тиган с ним сделает.

– Тиг... Ты...

Он отворачивается. Как же это тяжело. Он сбегает от меня в ванную, а я неслышно следую за ним. Тиг раздевается и со злостью бросает одежду на пол.

– Ты в порядке?

Не знаю, что еще сказать. Надо бы извиниться или попытаться что-то объяснить, но нужные слова не приходят на ум. Он не обращает на меня внимания. А я уже готова разреветься. Тиг вновь надевает толстовку и направляется обратно в свою комнату. Я стою у него на пути, мешая пройти, но не могу заставить себя сдвинуться с места. Он отталкивает меня. Это невыносимо. Уж лучше бы кричал, но только пусть не молчит.

– Тиган...

Никогда бы не подумала, что однажды придется умолять парня, чтобы он взглянул на меня.

Будь сильной, Елена, не сдавайся! Несколько секунд раздумий, и Тиг хватает меня за плечи и проталкивает назад в ванную. Я оборачиваюсь, а он уже захлопнул дверь своей комнаты. Я пытаюсь открыть, но он подпирает ее со своей стороны.

– Тиг!

Я колочу в дверь. Буквально только что мы были счастливы вместе, и вдруг – в ссоре. Я снова зову его, но он не отвечает.

Может, завтра все образуется. Надеюсь, он не собирается

меня бросать. Я пытаюсь себя в этом убедить, но сердце разрывают дикие сомнения. Это невыносимо и настолько жестоко, что у меня не остается сил, чтобы вернуться к себе. Похоже, эту ночь я проведу в ванной.

* * *

Я резко просыпаюсь. Тиг прижимает меня к себе слишком сильно. Я открываю глаза, и первое, что вижу, – испуганный взгляд Тига.

– Елена, тебе пора уходить. Они...

Я сажусь и слышу шум из коридора. Тиг пытается подняться, придерживая себя за ребра свободной рукой. Он сталкивает меня с кровати – и вот мы оба уже на ногах. Он указывает на дверь.

– Скорее же, черт возьми, – бормочет он сквозь зубы.

Нет, не сейчас! Я ведь только уснула! Это слишком скоро!

Паника уступает место слезам. Я отрицательно качаю головой. Я не могу оставить его сейчас.

Глава 11

Тиг

Елена упирается, не хочет уходить, но, если ее здесь найдут, у нее будут очень большие неприятности. О том, что тогда станет со мной, я даже думать не хочу. Копы будут счастливы припереть меня к стенке и вдобавок обвинить меня в домогательствах или еще Бог знает в чем. Что может быть хуже, чем изнасилование? Неважно. Я не хочу, чтобы еще и это свалилось на долю Елены.

– Тиг, я не могу...

Дыши, парень.

Я хватаю ее, и она прижимается ко мне. *Как же тяжело с ней расставаться!* Я не знаю, когда мы увидимся вновь. Возможно, никогда. От этой мысли меня прошибает холодный пот. Я обнимаю ее еще раз. Мы целуемся, и это наш самый ужасный и одновременно самый лучший поцелуй. При мысли, что наши губы больше никогда не встретятся, мне становится больно дышать. *Черт! Я ведь без колебаний готов ради нее на все.*

В конце коридора клацает дверь. Коп болтает с очередной медсестрой. Елена должна уйти прямо сейчас, если мы не

хотим, чтобы нас застали врасплох.

Моя львица льнет ко мне. Это настоящая пытка для моего сердца и ребер.

– Я... Мне тебя так не хватает. Я вернусь вечером.

Мне тебя тоже не хватает, хоть у меня и не выходит сказать об этом вслух.

Я обнимаю ее в последний раз, а затем отталкиваю. Елена отступает на шаг. Она вся в слезах, но все же согласна кивает. Бросив на меня еще несколько отчаянных взглядов, она, наконец, выходит. Я слышу, как дверь мягко открывается и закрывается. Ее здесь больше нет, а меня уже гложет чувство, будто мне все это приснилось.

* * *

Мне не сомкнуть глаз.

Я наблюдаю за солнечным лучом, медленно ползущим по стене. Он едва ли поднялся на пару сантиметров, а мне уже кажется, что Елена была здесь несколько дней или месяцев назад. А ведь прошло не больше часа.

Хлопает дверь. Я даже не успеваю ничего сообразить, как рядом с кроватью появляются двое полицейских. По привычке я пытаюсь привстать, но не могу из-за наручника на запястье.

– Встать.

Что? Я ничего не понимаю. Меня тут же хватают и си-

лой заставляют подняться с кровати. *Черт, они что, поймали Елену на выходе?* Мне подсовывают кроссовки, а на вытянутые вперед руки надевают другие наручники. Рация шипит, затем из нее доносятся слова:

– Второй патруль готов, транспорт для перевозки подъехал. Прием.

Дьявол, меня увозят! Увозят прочь от Елены! Я не хочу. Прежде чем я успеваю что-либо понять, на лодыжках тоже появляется пара наручников, связанная толстенной цепью с запястьями. *Да что они творят?* Коп толкает меня в спину, но я упираюсь. Я не желаю уезжать, она же вернется вечером.

– Двигай!

Нет! Удар по ногам, затем один из этих ублюдков ловит меня, пока я не свалился на пол. Если бы мне было хоть немного лучше, они бы даже пальцем не смогли меня тронуть.

* * *

Пройти через всю больницу в наручниках в сопровождении двух копов в униформе – лучший способ обратить на себя внимание. Все кругом смотрят с презрением. Я даже ощущаю облегчение, когда, наконец, залезаю в тачку с мигалками, хотя это физически непросто. На выходе из комнаты я попытался вырваться и сбежать, но не смог. Это привлекло еще больше внимания. Они, черт возьми, увозят меня от моей

львицы. Далеко. И все это происходит без единого комментария с их стороны.

Мы, должно быть, едем уже минут двадцать, и я даже не знаю куда. По всей видимости, в Райкерс. Наверное, после рентгена врач сказал им, что я уже достаточно окреп, чтобы меня перевозить. Я закрываю глаза и пытаюсь перевести дух. От одних только мыслей о тюрьме становится тяжело дышать. Я смотрю в окно. Тачка притормаживает на красный. Вокруг люди: кто-то ведет машину, кто-то прогуливается по улице, у некоторых совершенно отрешенный взгляд. Они живут своей спокойной жизнью. А я? Мои лодыжки и запястья пристегнуты к этому вонючему сиденью. Я пытаюсь проглотить ком в горле, но паника все равно постепенно берет верх. Еще эта тоска по Елене.

Меня вытаскивают из патрульной машины. Я упираюсь, потому что мне по-прежнему больно быстро двигаться. *Это плохая идея.* Коп тянет цепь от наручников еще сильнее, от боли у меня вырывается стон. *Где я, черт побери?*

Мы в каком-то подземном гараже. Повсюду патрульные машины и копы. На посту охраны верзила из конвоя толкает меня в спину так сильно, что я спотыкаюсь. Это его очень смешит. *Гад!*

Мы проходим лифт и два коридора, в которых пахнет едой и бумагой. Видимо, мы приехали в центральный комиссариат. Самый большой во всем Нью-Йорке. Меня проводят через очередную дверь – и на меня обрушивается волна теле-

фонных звонков, допросов, угроз и самых разных запахов.

Я вхожу в офис открытого типа, все кругом гудит от электричества. Мы не проходим и двух метров, как весь шум стихает. Только цепи звенят в такт моим шагам. Все смотрят на меня, словно уже знают, кто я и что меня ждет. Толстуха в чертовой униформе пересекается со мной взглядом и корчит гримасу отвращения. *Стерва!* Я их всех ненавижу, они все мне противны.

Пусть идти недалеко, ощущение такое, будто меня пилили этими осуждающими взглядами дня три. Мы скрываемся в очередном коридоре, сразу за моей спиной шум возобновляется с новой силой. Меня заводят в комнату, где офицер снимает с моих лодыжек наручники, после чего уходит и запирает дверь на ключ.

* * *

Кажется, я провел здесь уже целую вечность. Неужто они собираются заставить меня гнить прямо здесь?

В комнате стоят металлический стол и два стула, на одном из которых сижу я, на стене большое зеркало и часы – все. Ни одна стрелка часов не сдвинулась с места, но времени прошло достаточно – об этом говорит боль во всем теле от неудобной позы.

Я выпрямляюсь и пытаюсь потянуться – ребра сразу напоминают о себе. Не спеша, корчась от боли, я откидываюсь

на спинку стула. Боль стихает.

Вдруг дверь распахивается, и я вздрагиваю. *Больно, черт возьми!* Входит какой-то тип в штатском. Короткие волосы, довольно мускулистый, лицом точно похож на копа. Я отвожу взгляд, а он молча устраивается на стуле напротив и кладет зеленую папку с досье на стол посередине между нами. Мой взгляд прикован к ногам, неистово отплясывающим под столом. Напряжение возрастает стократ. Это явно будет допрос с пристрастием, он ведь собирается заставить меня заговорить.

– Здравствуйте. Я – детектив Райан. Начинаю запись допроса Тигана Доу, семнадцать лет. Дело номер 6578Б. Одиннадцать двадцать четыре...

На этом месте я отвлекаюсь. Когда вновь повисает тишина, я обнаруживаю, что мои руки вцепились в стул – так проще унимать дрожь. Краем глаза я замечаю, как детектив открывает досье и достает первый лист.

– Тиган Доу. Вас привезли на допрос. Вы имеете право позвонить вашему адвокату. Если вы не можете себе его позволить, вам назначат государственного защитника.

Тишина. Я чувствую, как он на меня смотрит, но не реагирую. Мне не нужен чертов адвокат. Я ничего не сделал. А его фраза о том, что я могу «позвонить», вообще встает мне поперек горла.

– Отлично, значит, обойдемся без адвоката. Я напомню вам факты: вас задержали потому, что вы сознательно созда-

ли угрозу жизни других людей, нанесли побои с целью лишения жизни Джейсона Дэша, Джеймса Терна, Оливера Ванхагена и избили Тима Ригса и Софи Вуд. А также пытались изнасиловать и избить Елену Хиллз. Вы признаете свою вину, мистер Доу?

Я молчу. Это невыносимо. Его слова запускают в моей голове неуправляемое торнадо боли и непонимания. Детектив дает мне несколько секунд на раздумья, а затем снова опускает взгляд в свои бумажки.

– У Тима Ригса смещены шейные позвонки, сломана челюсть и рассечена кожа на лице, – говорит он. – И куча синяков.

Мужчина поднимает взгляд и вновь ждет моей реакции. Что ему надо? Я даже не знаю, кого из них звали Тим Ригс. Я пытаюсь не обращать на него внимания, но дыхание становится тяжелым и прерывистым. Он продолжает:

– Оливер Ванхаген. Три сломанных ребра, сломанный нос и порезы на лице.

Еще один взгляд. Этот кретин начинает действовать мне на нервы. Он вообще в курсе, что я не очень разговорчивый?

– Джеймс Терн. Черепно-мозговая травма, один день в коме, перелом руки, множественные раны и ушибы, швы по всему телу...

Детектив опять делает паузу, проверяя мою реакцию. Мне все равно, что стало с этими подонками. Что бы там ни было, они заслужили.

– Софи Вуд. Перелом носа и вывих запястья из-за падения, когда вы ее толкнули...

Я едва сдерживаю улыбку: вывих и новый нос? Эта стерва легко отделалась. Вновь пауза. А затем удар прямо в сердце:

– Джейсон Дэш...

Я выпрямляюсь. Коп смотрит на меня с усмешкой. Черт, мне это не нравится. Так он жив или как? Не скажу, что меня расстроила бы его смерть, но между избиением ублюдка и его убийством есть черта, которую я не могу позволить себе пересечь.

– Джейсон Дэш...

Мертв?

– ...все еще на грани жизни и смерти. На текущий момент он уже неделю находится в коме. Из-за кровоизлияния в мозг ему потребовалось проведение трех операций. Медики не уверены ни в том, что он когда-либо восстановится, ни в том, что он вообще очнется. В его черепе дыра в восемь сантиметров, Тиган. Восемь! Это примерная ширина вашего кулака.

Он пристально смотрит на меня. Джейсон получил по заслугам. Ни больше, ни меньше. Я нисколько не жалею. Единственное, о чем стоит жалеть – так это о том, что я не смогу прийти на его похороны (если они, конечно, состоятся), потому что из-за него проведу остаток дней в тюрьме, а я к этому не готов. Да и кто на моем месте был бы готов к такому?

– Кажется, его судьба вас не особо трогает, – вздыхает

коп. – Что ж, перейдем к последней жертве.

Последняя жертва? Я замираю. Даже нога перестает двигаться. Детектив вновь делает паузу, а затем тихо произносит:

– Елена Хиллз...

Мой взгляд перескакивает на руки. Почему я чувствую себя виноватым, черт возьми? *Успокойся, парень, она же буквально всю сегодняшнюю ночь провела с тобой!* Я стараюсь контролировать дыхание, но ничего не выходит. Все летит к чертям, едва он произносит ее имя.

– Посмотрите на меня, Тиган.

Иди куда подальше. И можешь считать себя счастливым, что я все еще сижу пристегнутый к этому стулу! Если бы я только мог, то заставил бы твое лицо поцеловаться с этим столом, чертов коп!

– Елену Хиллз сегодня выписали из психиатрического отделения, где она лежала с момента трагедии. Она по-прежнему не в состоянии отвечать на вопросы следователей, но мы уже знаем, что она нам скажет: вы, Тиган Доу, заперлись с ней в раздевалке, избили ее и заставили сделать то, что вам было нужно. Она все это время плакала и кричала, да?

Черт, но ведь это неправда! Да, я все видел и никак не мог это предотвратить! Вот в чем я виноват! А не в том, что он перечислил.

Я сжимаю зубы, пытаюсь прикусить язык. *Не сдавайся, парень!* Пытаюсь проглотить ком, передавивший горло. *Мне*

настолько тяжело душевно, что ноющие ребра кажутся детскими шалостями.

Я закрываю глаза и опускаю голову, лишь бы не видеть больше этого дурацкого копа, который надеется сломать меня.

– Объясните мне, пожалуйста, почему судьба Елены Хиллз вас так сильно волнует? Вы же напали на нее на вечеринке в лицее?

Я открываю глаза. Слеза срывается с ресниц и падает прямо на покрытую татуировками руку, лежащую между ног. *Дьявол, я ничего не сделал!* Я замираю, не в силах пошевелиться.

Следует долгая пауза. Больше ни одна предательская слеза не вытечет из моих глаз. Однако спокойствием здесь и не пахнет.

– Ну что ж. Следствию придется придерживаться улики и свидетельских показаний, собранных на месте преступления в ночь нападения, – вновь говорит детектив. – В итоге мы имеем следующее: вы, Тиган Доу, вошли в лицей, в котором учитеесь с начала этого года, и попали на вечеринку в честь Дня благодарения. Согласно записям, изъятым из найденного при вас в тот вечер телефона, который, как оказалось, принадлежит миссис Натали Солис, Елена Хиллз попросила вас встретиться с ней. И вы приехали на встречу на машине миссис Солис. Затем какое-то время вы занимались неизвестно чем, а после случилось следующее: море крови

в раздевалке, три ученика в критическом состоянии – один из них, Джейсон Дэш, на грани смерти – и четвертый ученик с трудом держится на ногах. И, наконец, жертва изнасилования, которую медикам пришлось усыпить, поскольку никто не мог к ней даже приблизиться. Когда появились полицейские, Елена Хиллз пыталась прикрыться обрывками своей одежды. Объясните мне, что там делали вы? Что произошло до того, как эти четверо бейсболистов вас схватили?

Я не знаю, откуда берутся силы, чтобы посмотреть ему прямо в глаза. Возможно, за пределами страдания человек способен найти нечто новое, например, дерзость.

Глава 12

Елена

Двери лифта открываются на моем этаже, и я слышу этот голос.

– Да, темноволосая, худенькая. Это моя дочь. Мы приехали, а ее нет в палате. Мы уже час ее повсюду ищем!

– Но она не на осмотре, никто ее не видел. Я не знаю, что случилось.

Черт, это мой отец! Я поднимаю голову.

– Как такое возможно? – продолжает распалиться папа, продвигаясь по коридору.

Еще немного, и он заметит меня здесь, в этом лифте. Я смогла улизнуть от бдительного ока дежурного полицейского, но, когда услышала голос отца, мне захотелось бежать отсюда со всех ног.

– Я не знаю, возможно, она пошла прогуля...

Медсестра осекается: они с отцом одновременно поворачивают головы и видят меня.

– Где ты была, Елена? – спрашивает он сухо, подходя ближе.

Раздраженная медсестра закатывает глаза – видимо, ее с

самого утра донимали без причины, – но больше ничего не говорит. Я молча обхожу их и направляюсь к своей палате. Когда папа в таком настроении, он слышит только то, что хочет слышать. Я понимаю, что он, должно быть, перепугался, но сейчас у меня нет сил вступать с ним в перепалку.

Отец хватается меня за руку и тянет, заставляя идти еще быстрее.

– Оставь меня!

Я вырываю руку и влетаю в комнату, где меня уже ждет мама. Она бросается ко мне со слезами на глазах.

– Боже, Елена, где ты пропадала? Мы искали тебя повсюду!

– Я бы тоже не отказался узнать, где ты шляешься, пока мы тут сходим с ума от беспокойства, – добавляет папа.

– Дэниэл, не думаю, что стоит так сильно волноваться. Сейчас мы все успокоимся, и Елена расскажет нам, что случилось. Я уверена, у нее были свои причины.

Я высвобождаюсь из объятий матери и отворачиваюсь к окну. Смотрю вдаль, по щекам катятся слезы.

Я чувствую, как родители сверлят взглядами мою спину. Отец в ярости, но пытается держать себя в руках. Мама ничего не понимает, однако старается сохранять спокойствие. По всей видимости, отмолчаться не получится.

– Он...

Я очень стараюсь, но слова не идут. Такое чувство, что Тиган заразил меня своим молчанием.

– Тиг...

Я с трудом выдавливаю одно слово. Папа до этого момента старался сдерживаться, но теперь вдруг заходится криком.

– Ты виделась с Тигом? Елена, что он от тебя хотел? Он тебе угрожал? Я его сейчас...

В отчаянии я поворачиваюсь к маме и бормочу:

– Нет, я... Это я.

Интуитивно о чем-то догадавшись, мама перехватывает отца как раз в тот момент, когда он уже выходит из комнаты, чтобы прикончить Тига.

– Елена, дорогая, ты хочешь нам сказать, что ты сама ходила к Тигу?

Я тяну свитер вниз, словно это может защитить от того, что меня ждет, будто одежда – это моя единственная защита, и киваю.

– Зачем? Зачем ты это сделала? – кричит отец.

Я не отвечаю. Не могу говорить: горло свело от боли. Передо мной стена, которую я никак не могу преодолеть.

– Елена! Отвечай немедленно! Ты выжила из ума? Не могу поверить, что ты сотворила нечто настолько безответственное! Он ведь мог снова взяться за свое, и никто бы его не оста...

– Замолчи!

Я вытираю слезы тыльной стороной рукава. *Как можно быть таким бараном!* Он прекрасно видит, что со мной все в порядке, зачем он продолжает? Тиг никогда бы меня не

обидел.

– Ты еще поговори со мной таким тоном! То, что случилось, не оправдывает такое поведение! – восклицает отец.

Да, оправдывает! Я набираю воздуха, чтобы закричать, но нас прерывает мама.

– Дэниэл.

Она говорит спокойно, но властно. Папа тут же осекается. Я опускаю глаза, и мама подходит ко мне в мертвой тишине.

– Ты провела с Тиганом ночь, – начинает она, – потому что он не нападал на тебя. Ведь в тот вечер он спустился в раздевалку, чтобы защитить тебя.

Ее голос дрожит. Если мама сейчас заплачет, я не смогу больше держаться на ногах. Я вытираю мокрые от слез щеки. Она приподнимает мою голову за подбородок. Но я ее отталкиваю: невозможно в такую секунду смотреть кому-либо в глаза. Я изучаю пол, каждую его деталь, чтобы хоть немного отвлечься от своих переживаний.

– Елена, если он ничего не сделал, ты должна рассказать им об этом. Его посадят, ведь все думают, что он хотел тебе навредить, – говорит мама.

Я знаю, но ничего не могу сделать. Я ведь пыталась. Ничего не выходит. И мне стоит всем объяснить, что виноват Джейсон, но ведь он много раз мне угрожал! И он не остановится на одном лишь Тиге. Он уничтожит всю мою семью! У его отца для этого есть связи...

– Черт возьми, Елена... Что там действительно произо-

шло? – внезапно встречается отец.

Я молчу. Так хочется исчезнуть или повернуть время вспять, чтобы не переживать всего этого.

– Разберемся позже. Самое главное – то, что Елена в порядке и что теперь мы все знаем. Тиган – часть нашей семьи, Дэниэл!

Отец молча разворачивается и выходит. Я не выдерживаю и заливаюсь слезами, а мама заключает меня в объятия.

* * *

Я бросаю последний взгляд на палату, в которой лежала. Врачи посчитали, что раз уж я в состоянии слоняться по коридорам, значит, чувствую себя лучше и можно отправлять меня домой, назначив длинный список лекарств: антидепрессанты, снотворное и что-то там еще. Богом клянусь, ничего из этого я в рот не возьму. Лучше буду реветь долгими бессонными ночами, чем пить эти пилюли.

– Ничего не забыла? – спрашивает отец.

– Я не знаю.

Он улыбается. Думаю, теперь, узнав, что Тиг невиновен, он почувствовал себя гораздо свободнее, ведь с его плеч свалилась такая тяжесть. Я пытаюсь улыбнуться в ответ, хотя это сложнее, чем мне казалось. Я не хочу уезжать, Тиг же здесь. А вдруг я его встречу, когда мы будем выходить?

Я пускаю одинокую слезу, проходя через больничные две-

ри. Только по слезам и можно угадать, какой хаос сейчас творится у меня внутри. Покидать Тига – настоящая пытка, но как объяснить это моим родителям? Папа все время искоса поглядывает на меня, но молчит. К счастью.

Мама ждет нас у машины. Она мне что-то говорит, однако я не могу разобрать, мои мысли витают где-то далеко. Тиг будет ждать меня сегодня вечером. Что он подумает, когда я не приду?

Я забираюсь в машину, папа закрывает двери. Я вытираю мокрые щеки, и мы навсегда покидаем больницу.

Тиг, видимо, оставил немного своего молчания здесь, в колымаге моего отца. Давящего, душного молчания. Я вглядываюсь вдаль, но это не помогает отвлечься. Кажется, ничто не может развеять эту тяжелую атмосферу.

Мы уже проехали добрых полпути, как вдруг мама прокашливается, а потом говорит:

– Мы должны помочь Тигу.

Даже папа вздрагивает. Мама никогда особо не общалась с Тигом, он ее постоянно избегал. Она даже несколько раз спрашивала меня, не знаю ли я почему. Но я совершенно не имею представления о том, что происходит у него в голове. Это знает только он один.

– Я даже не знаю, с чего начать, – произносит отец.

– Зато я знаю, – отрезает мама.

Она достает телефон, набирает номер и прикладывает к уху.

– Натали? Это Энджи... Да, у нее все хорошо. Она рассказала нам, что Тиг ни при чем. Конечно. Да, нужно срочно найти ему адвоката. Его надо оттуда вытащить.

Пока мама слушает ответ Натали, папа смотрит на меня в зеркало заднего вида. Я отвожу взгляд.

– Я знаю хорошего адвоката, – тихо говорит отец.

– Дэн мне только что сказал, что у него есть на примете хороший адвокат, так что мы с ним свяжемся. Вас уже выписали из больницы? Отлично. Да, это прекрасная новость. Мы с нетерпением ждем встречи с твоей малышкой. Отправляйтесь скорее домой. Отлично, спасибо, Натали. Нет, все в порядке, ничего страшного. Удачи.

Мама кладет трубку и делает глубокий вдох.

– Бедняжка вся в слезах, только родила, – выдыхает она.

Глава 13

Тиг

Коп выдерживает мой взгляд. Он словно пытается прочесть на моем лице ответы на свои вопросы. Наконец, нахмурившись, полицейский опускает глаза в свои бумаги и продолжает:

– Тим Ригс оказался единственным, кто смог выбраться из раздевалки и вызвать полицию. Он утверждает, что он и трое его друзей пытались защитить Елену в то время, как вы склоняли ее к сексу. По его словам, вы в одиночку их растолкали, чтобы все-таки закончить начатое. Значит, вам удалось нокаутировать четверых парней, которые уже пять лет активно занимаются бейсболом. Допустим, это так... Все возможно, если повезет, правда ведь? Но есть нечто, чего я никак не могу понять: Елена ведь сама вас позвала... Зачем ей это делать, если она считала вас угрозой? В раздевалке что-то произошло. Тогда вы вышли из себя и решили на нее напасть? И почему вы не были одеты к вечеринке? Все в лице говорят, что вы были неразлучны и разговаривали только с ней. Так почему же все закончилось именно так? Почему Елена выкрикивала ваше имя, когда спасатели пытались

позаботиться о ней? Почему она кричала: «Тиган»? Что случилось?

Он бросает вопрос за вопросом, хотя прекрасно знает, что я не могу говорить – от этого только тяжелее. Если я продолжу сжимать руки, стул может попросту сломаться. Детектив кладет передо мной чистый лист и карандаш. Я стискиваю зубы. Невозможно пошевелиться. Я верю Елене, она заговорит. Я не насильник, но мое слово ничего не стоит против ее молчания. Весь мир считает меня негодяем...

– Тиган, я попытался объективно оценить ваше досье с самого рождения, и что-то не сходится. Вас много раз ловили на краже, взломе, распространении наркотиков и так далее. Мелкая уличная торговля... Но никогда не было нападений или насилия. Я не верю, что вы на такое способны. Так что же произошло в тот вечер?

Я опять никак не реагирую. Мои мысли скачут слишком быстро, я их даже различить не успеваю. Это настоящий кошмар. Ощущение, будто я падаю в бесконечную дыру.

– Вы знаете, что будет, если Дэш умрет? Пожизненное. Вам семнадцать. Вы готовы провести всю оставшуюся жизнь в четырех стенах? За что вы разбили ему голову? Почему именно ему? Его состояние свидетельствует о вашей беспощадности. Если вы хотите избежать худшего, Тиган, вы должны начать говорить.

Я не могу, черт возьми! Крик застревает в моем горле, мешает дышать. Коп не обращает внимания и выкладывает

фото на стол передо мной. Кровь, разбитые стулья, незнакомое лицо. Он кладет следующее фото. Затем еще и еще. Четыре игрока в бейсбол. Все выглядят так себе. Неужели это я такое с ними сотворил? Потом появляется фото Елены. Видимо, фото из класса, она на нем такая красивая, не плачет, застенчивая улыбка оживляет карие глаза.

– Тиган, что там произошло? У меня имеется одна жертва в коме, еще трое с разными показаниями и молчаливый, как могила, насильник...

Я смотрю на фото. Рядом с Еленой он кладет последний снимок – мой. Из прошлогоднего дела об опеке. Я отрываю руку от стула и отталкиваю фотку. Не люблю смотреть на себя. Наручники клацают о стол, пока я возвращаю руку на подлокотник.

– Нет, мне кажется, место этой фотографии прямо рядом с Еленой, – говорит детектив, передвигая снимок обратно. – Как все обстоит, Тиган? Я повидал достаточно насильников. Они никогда не смотрят на своих жертв так, как вы смотрите на нее. – Он касается фото Елены.

Дьявол, мне ее так не хватает! Она мне нужна. Я не знаю, как заставить себя говорить. Только она способна мне с этим помочь.

– Тиган, что произошло? – настаивает коп.

Я сглатываю. Из-за кома в горле дышать становится все тяжелее. Неспособность разговаривать – вот моя настоящая тюрьма. Я томлюсь в ней многие годы. Без Елены я не в со-

стоянии вылезти из своей собственной головы.

– У нас недостаточно доказательств, Тиган. Я уверен, ваши показания могут все изменить. Напишите, если сказать вслух у вас не получается.

У меня начинается одышка. Почва уходит из-под ног. Полицейский слишком сильно напирает и подходит очень близко. Я отодвигаюсь от него на стуле, но так, чтобы все еще видеть фотографию моей львицы.

– Если Елена Хиллз не заговорит... Если *вы* не заговорите, то отправитесь в тюрьму до конца своих дней, Тиган. Не думаю, что именно об этом вы мечтали. Вы же хотите снова с ней увидеться? Все в лицее говорят, что вы вместе... Тиган, что случилось в раздевалке?

Я пытаюсь разжать зубы, чтобы сказать хоть что-то, но мое тело упирается. Эмоции захлестывают меня с головой, глаза так сильно горят, что приходится их закрыть. *Говори, черт возьми!* Почему не выходит? *Расскажи ему все, наконец!*

– Елена не будет давать показания, – добавляет коп. *Нет же, она расскажет, как все было!* Я уверен, она мне поможет! Она же моя львица!

Я одним махом скидываю все снимки со стола. Детектив вскакивает и отступает от меня. *Дьявол, дыши, парень, дыши!* Кулаки сжаты до боли, я не свожу взгляда с копа, пытаюсь дать ему понять, что происходит, но все бесполезно. Буря бушует внутри, не находя выхода наружу.

– Тиган, если Дэш не очнется, вы угодите за решетку за

преступление, которого вы, возможно, даже не совершали. Расскажите мне, что произошло! Почему вы чуть не убили парней, с которыми раньше не общались? Зачем вы пытались изнасиловать вашу девушку? Почему напали на ее подругу, Софи Вуд? Я уверен, что всему этому есть объяснение и что вы оказались там не просто так. Учитывая ваше досье, что-то не клеится. Вы же не насильник. Где связь, Тиган? Мы ничего не сможем сделать, если вы не озвучите свою версию событий. Скажу вам честно: мне кажется, что остальные бейсболисты врут и Софи Вуд тоже. Но без доказательств, без показаний я ничего не смогу доказать.

Детектив начинает вышагивать по комнате для допросов. Еще несколько секунд проходят в молчании. В конце концов, он, кажется, смиряется.

– Прокурор настаивает, чтобы вы предстали перед судом как можно скорее. Отец Дэша – губернатор, и прокурор – его близкая подруга. Вы, вероятно, не знаете, но в прессе о вас трубят повсюду. Они хотят поскорее вынести приговор, и им нужен козел отпущения. А вы идеально подходите для этой цели. Единственный ваш вариант – начать говорить. Рассказать вашу версию событий и защищать ее. Обычно только виновные продолжают упорно молчать. Свидетели будут выступать публично, но Елена не придет. Судя по ее состоянию, она просто не успеет оправиться. Вы должны начать говорить!

Нет, черт возьми! Она придет! Она не бросит меня...

Я закрываю лицо ладонями. Холод металлических наручников снова напоминает мне, в каком дерьме я оказался.

– Вы не плохой человек. Просто не умеете правильно справляться с ситуациями.

Я теряю нить его рассуждений, *гори они в аду*, и замираю на секунду. Если бы под ногами не валялись разбросанные мной фотографии, я бы рухнул прямо на пол, может, там мне удалось бы прогнать всю эту боль, от которой трудно дышать. Чтобы не встречаться с копом взглядом, я разглядываю снимки. Поверх изображения Елены лежит фото Дэша. Это отвратительно. Тело против моей собственной воли подается вперед, я поднимаю фотографию и нежно кладу на стол. Моя львица заговорит. Она им все расскажет. Она гораздо сильнее меня. Елена объяснит им, почему мне пришлось их избить.

– Наверняка у вас были веские причины для подобного поведения. И, если это действительно так, хороший адвокат сможет вызволить вас.

Я не могу ему ответить и больше не буду пытаться. Коп выжидает, а я просто смотрю на фото Елены: я рассчитываю на нее, она должна сказать все за меня.

– Что ж. Завершаю допрос Тигана Доу, дело номер...

Дальше я не вслушиваюсь. Он собирает снимки вместе с фотографией Елены и складывает в зеленую папку.

– Вы можете дать показания в любой момент, но не затягивайте. Если не поспешите – сядете, Тиган.

Сяду...

Я сглатываю и прикрываю глаза, а детектив покидает комнату. В ярости я вскакиваю и пинаю стул, снова и снова, пока он не разлетается в щепки. Слабак! Ненавижу себя.

Разбив стул, я ищу, на чем еще выместить злость, но тут вбегают другие копы и силой припирают меня к стене. Боль в ребрах парализует. Вместо слов, которые были так нужны несколько мгновений назад, изо рта вырывается только крик боли.

Меня выводят. Следующий пункт – тюрьма. Мне туда не хочется, черт возьми. В коридоре я совершаю попытку побега. От ярости я на какое-то время перестаю чувствовать боль. Меня колотят. Снова. Зеваки глазеют, но никто мне не помогает. Я не хочу в тюрьму! Если бы мог, я бы взмолился о пощаде. Но я не могу! И поэтому молча продолжаю бороться с собственной судьбой.

* * *

Тогда

Вчера мне исполнилось тринадцать. Мама предложила отпраздновать пирогом вместе с Бенито, но я не захотел. Я не люблю свой день рождения и не хочу его больше праздн-

вать – незачем. Но все же мы пошли на ужин в ресторан, а потом на баскетбольный матч. Я увидел всех наших с Бенито любимых игроков, и мне очень понравилось, но я так и не смог признаться в этом маме.

Сегодня я пропускаю учебу. Мы идем к судье, которая занимается усыновлением и такими сиротами, как я. Мы в зале ожидания, и в этот раз мне хочется, чтобы время текло медленнее. Я не хочу, чтобы дверь открывалась, не хочу видеть даму, которая пригласит нас внутрь. Мне страшно. Если Мама меня усыновит, она станет вести себя так же, как все мамы до этого? Она тоже сможет меня бить? Я не хочу, чтобы она становилась такой, не хочу, чтобы она менялась. Мама все время шутит и совсем не злится, даже когда я вытворяю глупости. Она может долго рассуждать, но никогда не кричит.

– Тиг?

Я поднимаю голову – меня зовет Мама. Нет! Эта дама уже здесь! *Почему вдруг стало так тяжело дышать?* Я сглатываю и вхожу в офис следом за Натали. Все происходит в точности, как в прошлый раз. Мне было одиннадцать, я все прекрасно помню: в том углу можно было порисовать. Но сейчас оттуда почему-то убрали детские игрушки.

– Здравствуй, Тиган. Как твои дела?

Я смотрю на женщину. Она мне улыбается. Я ей – нет. Я не хочу здесь быть.

– Ничего себе, как ты вырос за два года! – добавляет она.

– Тиг, поздоровайся, пожалуйста.

Но я не хочу! Только ради нее я открываю рот. Знаю, что должен сказать, но ничего не происходит, словно я забыл, как вообще нужно разговаривать, и меня это раздражает. Дама смотрит на меня, но больше не улыбается, она ждет. В конце концов, она отворачивается и садится на свой стул.

– Все еще не говорит? – спрашивает дама.

– Говорит! За два года у него огромный прогресс. Он говорит, и даже очень много, – отвечает мама.

– Боюсь, этого недостаточно. Нужно, чтобы он говорил не только с вами, но и с остальными. Сможет ли он этому научиться?

– Он очень смысленный малыш, я за него не переживаю. Он и без слов прекрасно изъясняется. Тиган отлично знает, чего хочет.

Мама слегка подталкивает меня локтем и подмигивает. Это так забавно.

– В любом случае сложно поспорить с тем, что между вами образовалась прочная связь, и мне приятно видеть, что в конечном счете вы стали той самой семьей, которая была ему так нужна, – говорит женщина.

Они продолжают обсуждать какие-то нудные вещи – я уже не вслушиваюсь. Мне не интересно, о чем они там говорят, я мечтаю только об одном: чтобы мы ушли отсюда и ничего не менялось.

– Ну что, Тиг, давай подпишем документы? Ты готов? Те-

перь все изменится! – дама выкладывает передо мной лист бумаги.

Я смотрю на него. *Я не хочу, чтобы что-то менялось!* Они молча наблюдают. Почему у меня дрожат руки? Я вглядываюсь в листок, лежащий прямо передо мной. На самом верху надпись: «*Заявление об усыновлении*».

– Тиг, все хорошо? – спрашивает Мама шепотом.

Я смотрю на нее. *Нет, не хорошо, но я не смогу тебе об этом сказать. Ты ведь думаешь, что я обо всем тебе рассказываю, но есть в моей голове вещи, которых я вообще никому не говорю.* Я щурюсь. Нет, это слезы у меня на глазах. Я резко отворачиваюсь, ненавижу плакать, как ребенок. Мне стыдно.

– Тиган, ты будешь подписывать? – спрашивает дама.

Нет!

Я отодвигаю от себя бумагу.

Нет! Зачем я это сделал? Мама разозлится и...

– Тиг, давай поговорим в зале ожидания, – говорит она мягко.

Наши взгляды встречаются, и мы выходим из офиса. Мне жарко, и щеки мокрые от слез. Она садится, чтобы быть со мной на одном уровне и берет меня за плечи.

– Тиг, ты в порядке? Почему ты плачешь?

Я открываю рот, но сказать ничего не получается. Это так бесит. Я ее слегка отталкиваю, хочу, чтобы она меня отпустила.

– Хорошо, не буду тебя касаться. Я не злюсь, мой милый Тиг, и, если ты не хочешь подписывать документы, если сегодня не получается, это не страшно, ладно? Мы можем вернуться, когда захочешь.

Нет. *Я никогда не хочу подписывать это, потому что я не хочу, чтобы ты изменилась!* Мама смотрит на меня, но я молчу. Она тихонько вздыхает.

– Тиган, я не буду ругаться, если ты захочешь уйти прямо сейчас. Ты все равно всегда будешь моим Тигом.

Я не отвечаю и отворачиваюсь, лишь бы не смотреть на нее.

– Миссис Солис, можно вас на минутку? – говорит дама, выглянув из офиса.

Мама улыбается мне и показывает на стул. Я сажусь, буду ждать ее здесь. А если дама хочет, чтобы я подписал это сегодня? А вдруг у меня больше нет времени, чтобы понять, чего я хочу? Что я тогда буду делать?

Их голоса слышны, но слов не разобрать. Я смотрю на выход. Не хочу ничего подписывать.

Я встаю. Мама, наверное, разозлится, но на этот раз мне все равно. Не могу здесь больше сидеть. Я выхожу, не издав ни звука, и на улице поворачиваю сразу направо. Я плохо ориентируюсь на Манхэттене, но это и неважно. Я просто хочу уйти подальше от этого офиса.

Еще один лестничный пролет – и я дома. Сейчас тихо открою дверь в мамину квартиру. Обычно я всегда сразу от-

правляюсь в свою комнату, но она наверняка захочет со мной поговорить.

Я вхожу в прихожую и слышу ее голос:

– Нет, я не знаю! Я вышла из офиса, а его уже не было. Я обежала все вокруг суда по семейным делам, но не смогла его найти...

Она разговаривает с каким-то незнакомым мне мужчиной.

– Я ничего не понимаю. Наверное, он просто боится усыновления. Я правда думала, что он готов, но, когда он увидел все эти бумаги... Думаю, он не хочет их подписывать, но я не знаю почему!

– Эй, иди ко мне. Не плачь, Нат. Ты же знаешь этих детишек. В любом случае подпишет на следующей неделе.

– Судья дала мне три дня. Но он не подпишет! И тогда я даже не знаю, что администрация с ним сделает.

Я подаюсь вперед и вижу, наконец, высокого мужчину в форме пожарного. Он обнимает Натали.

– Ты звонила в полицию? Надо подать заявление о пропаже. Я предупредил своих, если они его где-то встретят, то сразу приведут сюда, – успокаивает он ее. – И потом, ты сказала, что он разговаривает только с тобой, так что я уверен, он все подпишет.

Нет!

– Спасибо, Лукас... Полиция сказала, что они смогут принять заявление только по истечении двух суток, так что это

бесполезно.

Лукас вдруг замечает меня и почти подпрыгивает от удивления.

– Ой, но ты же...

– Тиг!

Мама бросается ко мне, осматривает мои щеки, волосы и все остальное, а затем наконец-то обнимает.

– Черт, Тиг, ты так меня напугал! Где ты был? Ох, да и неважно, ладно? Ты весь промерз. Быстро в душ! Ты голоден?

Слишком много вопросов сразу. Я выскальзываю из ее объятий и отправляюсь в свою комнату.

«Тиг... Надеюсь, ты в порядке, мой мальчик. Я волнуюсь, ты уже два дня не появляешься в своем новом доме. Кажется, у тебя получилось установить новый рекорд: девять семей за год. Шесть побегов... Ты знаешь, где я живу, моя дверь всегда открыта».

Вот такое сообщение.

– И кто это? – интересуется Бенито.

Я молчу. Как всегда.

– Опять Солис?

Я киваю и кладу телефон на бордюр. За последние два дня это далеко не первое сообщение от нее. Сегодня мне исполняется четырнадцать. Так что сегодня явно не лучший день, чтобы приставать ко мне с нотациями. Она не в курсе, но я не мог больше оставаться у этих людей. Мне там было плохо.

Они все помешаны на собственной власти.

Мне повезло, что Бенито всегда может незаметно впустить меня в приют переночевать. Иначе пришлось бы проводить ночь на улице. Я уже так делал, но тогда была не зима. А теперь за окном горы снега, и это пугает. Я не хочу идти к Солис, я от нее устал. Она часто спрашивает меня, не хочу ли я пойти с ней к судье по семейным делам, но мне не нужна семья. Зачем вообще нужны семьи, в которых отцы жестоки, матери тупы, а дети еще хуже своих родителей. Я свободен: нет родителей – нет проблем. Я очень люблю Солис, но... я даже не знаю. Не хочу больше этой кабалы. И теперь у нее есть Лукас, а он мне не нравится.

– Это... соседские ребята мне тут кой-чего предложили... Хочешь поучаствовать? – спрашивает Бенито.

Я смотрю на него. *И что это?*

– Один парень готов набить татухи бесплатно, если на него немного поработать. Крутая тема?

Это точно!

Глава 14

Елена

Меня укачивает, но, странное дело, я начинаю чувствовать себя лучше, запертая в этой машине с моими родителями. После звонка Натали мы все молчим. Она сейчас должна радоваться рождению малютки, а вместо этого переживает настоящий кошмар! И все из-за меня.

Отец мягко тормозит на красный.

– Ты в порядке, Елена? – спрашивает мама.

Она оборачивается ко мне, я киваю – это происходит неосознанно и неконтролируемо с моей стороны.

– Тебе пришла повестка, – сообщает она.

– Какая?

– О даче показаний в участке.

Я сглатываю и начинаю дышать в такт сердцебиению.

– Мы пойдем все вместе, не переживай, договорились?

– Хорошо.

Нет.

Я смотрю вдаль, на стене красуется большая реклама: «Голосуйте за Дэша! Он гарантирует вашу безопасность!» Я хмурюсь. Слышно, как отец бормочет себе под нос, что недо-

любливает его. *Пап, если бы ты только знал всю правду... ты бы возненавидел и самого Дэша, и его сына.*

Мы останавливаемся. Это происходит так внезапно, что я даже не успеваю подготовиться. Наверное, я просто не хочу тут находиться. Родители выходят, мама открывает мою дверь.

– Ну же, Елена. Всего несколько слов, и Тига освободят!

Не думаю, что все будет так просто. А если Джейсон узнает, что я заговорила? Что он тогда со мной сделает? Он грозился, что моего отца снимут с поста директора, что он уничтожит всю мою семью. Он даже говорил, мол, может сделать так, чтобы Тиг исчез. Не знаю, хватит ли у меня сил не обращать на все это внимания. По правде говоря, я не знаю, на что способен Джейсон на самом деле. Он ведь может выкинуть и что-то похуже.

– Елена, пожалуйста, выходи из машины, – холодно произносит отец.

Его интересует только один вопрос: если Тиг на меня не нападал, то кто это сделал? Я уверена: как только скажу, он тут же пожалеет об этом. Я вспоминаю Тига, глубоко вдыхаю и оказываюсь на тротуаре под суровым взглядом отца.

Давай, Елена, шагок, теперь второй. И Джейсон вроде бы до сих пор в коме, в таком состоянии он вряд ли сможет что-либо сделать, правда же? Я опять начинаю вспоминать всю эту картину: Тиг, все в крови, шум, жуткий запах – никогда не смогу это все забыть. Он говорил, что убьет того,

кто посмеет меня обидеть. И он убил бы, если бы я его не остановила.

Родители заходят вместе со мной. Здесь спокойнее, чем я себе представляла. На стойке перед нами куча рекламных листовок. На одной из них написано: «*Молчание не выход*». Я представляю себе, как мы с Тигом читаем эту надпись вместе, он удивленно поднимает брови, скосив глаза, – можно умереть от смеха. Но сейчас мне не смешно. К горлу подкапывает ком, от которого никак не избавиться.

– Слушаю, – произносит полицейский по ту сторону стойки.

– Здравствуйте. Меня зовут Дэниэл Хиллз. Это моя дочь, Елена. Хотим подать заявление касательно нападения на нее.

Коп смеряет меня взглядом. Я понимаю, почему Тиг переходил дорогу каждый раз, как встречал на своем пути полицейских. Однажды он сказал мне: «*Копы похожи на собачье дерьмо: если один раз вляпался, будешь постоянно вонять*». Обычно такие фразочки – в стиле его друга Бенито.

– Хиллз? Это дело об изнасиловании? – спрашивает коп. Отвернувшись, я делаю вид, что изучаю листовки. *Не плачь, не плачь!* Это слово стало табу, с тех пор как Джейсон начал ко мне приставать. Оно мерзкое и страшное.

Я закрываю глаза, пока отец спорит с копом:

– Попытка изнасилования. Вы вообще отдаете себе отчет в том, что шестнадцатилетняя жертва стоит прямо перед вашим носом?

Я смотрю себе под ноги. *Папа, пожалуйста! Не надо больше ничего говорить!*

– А, так это всего лишь попытка? – отвечает коп.

– Вы бы так не рассуждали, если бы речь шла о вашей дочери, – отрезает мама.

– У меня пока нет детей, я пока не готов заво...

– Да нам все равно, к чему вы там не готовы! Куда я должна пойти, чтобы у меня приняли заявление?

Это выше моих сил! Не могу больше терпеть разглагольствования этого кретина. На этот раз мама смотрит на меня без упрека и не прерывает своим обычным «Елена, прикуси язык». Ее взгляд скорее полон гордости. Коп смотрит на меня с ненавистью, а отец, кажется, не очень удивлен.

– Вы как со мной разговариваете, юная леди?!

– Вы тратите наше время впустую, – прерывает его отец.

Полицейский указывает нам на коридор, уходящий влево, и снимает телефонную трубку.

– Шестая дверь по левой стороне.

«Спасибо» ему никто из нас не говорит.

– Райан? Хиллзы пришли, их дочь готова дать показания.

Так и есть, она уже в состоянии связать пару слов – я сам слышал.

Коридор очень длинный. У каждой двери висит табличка «Комната для допросов». Каждая – под своим номером. И над каждой горит либо зеленый, либо красный фонарь. Когда мы доходим до нужной, нас встречает новый коп.

– Мистер Хиллз? Меня зовут детектив Райан, я веду расследование вашего дела. Поскольку ваша дочь является совершеннолетней, она должна давать показания в одиночку, но вы вместе с женой можете наблюдать за дачей показаний из соседней комнаты, если пожелаете. При даче показаний может присутствовать адвокат, если вы полагаете, что это необходимо, но тогда вам придется вернуться вместе с ним.

В одиночку? Нет! Я не смогу!

Я делаю шаг к маме.

– Обойдемся без адвоката. Почему нельзя пойти вместе с ней? Какая разница, по какую сторону зеркала мы находимся? – спрашивает отец.

– Очень большая разница, мистер Хиллз. Мисс, проходите. Вам принести воды?

Я молчу. И речи быть не может, чтобы я осталась в этой комнате без родителей. Здесь даже окон нет. Я смотрю на родителей. Мама пытается мне улыбнуться, но она очень взволнована – это видно.

– Давай, солнышко. Мы рядом. Ты можешь выйти в любую секунду, хорошо?

Мне страшно. Это глупо, ведь детектив ничего не может мне сделать, однако я до смерти боюсь оказаться с ним один на один. Папа хмурится, а детектив Райан жестом приглашает меня войти. Я бросаю на родителей последний взгляд перед тем, как войти в комнату. *Дыши, Елена.*

– До скорого, детка, – добавляет отец с улыбкой.

Внутри холодно и неприятно. Ковер на полу пахнет плесенью. По центру комнаты стоит стол. Это похоже на сцену из какого-то сериала.

– Располагайтесь, мисс Хиллз. Может, все же принести вам чего-нибудь попить? – снова предлагает детектив.

– Нет, спасибо.

Он улыбается в ответ.

– Хорошо, я отведу ваших родителей в соседнюю комнату и вернусь через минуту.

Детектив закрывает за собой дверь и оставляет меня в одиночестве. Уже через секунду дверь открывается и входит какой-то другой тип с небольшой папкой в руках. Не знаю почему, но я стараюсь не смотреть ему в глаза. Он не здоровается, а мне сейчас слишком тяжело быть вежливой. И вообще-то я ожидала снова увидеть детектива Райана, а не кого-то другого.

– Елена Хиллз? – спрашивает он, усаживаясь напротив меня.

– Да.

Голос звучит нерешительно – я в самом деле умираю от страха. Я знаю, он ничего мне не сделает, всего лишь задаст несколько вопросов. Но я совершенно не понимаю, как должна себя вести и с чего начинать. Уверена, что простого: *«Это был Джейсон Дэш, а не Тиган»* – будет достаточно, но сумею ли я вообще произнести это вслух?

– Отлично. А теперь слушай меня внимательно, – говорит

он.

Мужчина выкладывает передо мной три фотографии.

– Ты знаешь этих людей? – спрашивает он.

Я хмурюсь. Руки, лежащие под столом, дрожат. Я сглатываю, но ком из горла никуда не уходит.

– Ну... Это Чев, мой младший брат... А здесь мои родители, но я не понимаю...

Он быстро хватает фотографии и засовывает обратно в папку.

– Посмотри на меня.

Я поднимаю глаза. Мужчина наклоняется ко мне, и, хоть нас и разделяет целый стол, он все равно наклоняется слишком близко, так близко, что мне приходится отодвинуться.

– Мы знаем, где ты живешь, куда твоя мать ходит за покупками, во сколько твой брат выходит из школы... Так что, если ты расскажешь хоть что-то о том, что произошло в раздевалке, если имя Джейсона Дэша вылетит из твоего рта, твой младший братик, возможно, попадет под машину по пути домой. Понятно? Твой отец потеряет работу, и можешь себе представить, что мы сделаем с твоей милой мамочкой...

Меня сковывает страх. Я не могу отвести глаз. Тип наклоняется ниже.

– Ради блага своей семьи, надеюсь, ты все поняла.

И в этой звенящей тишине я, сама не зная почему, киваю. Мужчина встает, бросает на меня последний угрожающий взгляд и выходит. За ним закрывается дверь. Непонят-

но, сколько времени проходит до того, как я прихожу в себя и начинаю нормально дышать. Я встаю. На меня накатывает паника. Затем дверь снова открывается. Появляется детектив Райан с вежливой улыбкой.

– Ваши родители сейчас допьют кофе и зайдут в смежную комнату. Они услышат все, о чем я буду вас спрашивать, и все, что вы мне ответите. Хотите их дождаться? Или начнем сейчас?

Я изучаю стол. *Дыши, Елена, дыши.*

– С вами все в порядке? Может, вам все-таки выпить чего-нибудь сахаросодержащего? Вы очень бледн...

Его на полуслове прерывает оглушительный грохот. Словно кто-то пытается сломать стену. В коридоре раздается сирена. Детектив вскакивает со стула, едва успев на него присесть, и открывает дверь.

– Только не сейчас! Четвертая комната!

В следующее мгновение толпа копов пробегает перед ним. Я встаю со стула, словно зомби. В коридоре уже стоят родители, не менее удивленные и напуганные, чем я. Видел ли их тот тип?

Звук слышен где-то дальше по коридору. Мы с родителями остаемся стоять как вкопанные у стены, а в одну из комнат забегает все больше копов.

Слышны крики, вся эта суeta очень пугает. Что они там делают? «Не двигайся, черт возьми!» От криков полицейских становится только хуже.

Секунды длятся вечность. Угрожавший мне мужчина смотрит на меня из толпы – я прижимаюсь к стене. Папа подходит и прикрывает меня своим телом, чтобы защитить, но мне все равно страшно. Понял ли он, что произошло? Похоже, нет: он пристально смотрит в другую сторону, туда, откуда исходит шум. Видно, как выходят трое полицейских и пытаются кого-то вывести. На полу валяется зажатый копами мужчина с татуированной шеей. Этот рисунок я узнаю всегда и везде. Меня будто пронзает удар молнией, изо рта вырывается горький стон разочарования и беспомощности. Не могу оторвать взгляда от этой сцены.

Меня кто-то держит, чтобы я не бросилась к нему. По-видимому, это папа. Даже в полицейском участке Тиг отбивается изо всех сил, кричит и пытается освободиться. Его скрутили пятеро, и даже этого недостаточно.

– Нет, Елена!

Отец хватает меня за плечи, чтобы я не бросилась к этой куче. Я отбиваюсь. Мне следует ему помочь, даже если очевидно, что я ничего не могу сделать. Скрученного Тига проводят мимо нас. Я не узнаю человека, который только сегодня утром обнимал меня. Он похож на того парня, который чуть не убил всех в раздевалке.

Я слышу ругань, его опять бьют. От ужаса происходящего невозможно пошевелиться. И отвести взгляд тоже не получается, хотя ото всей этой сцены сводит желудок. Я закрываю руками свой рот, ноги едва меня держат. Тиг исчезает в

толпе в конце коридора. Я все еще слышу, как он кричит и пытается вырваться. Куда они его повели?

Когда шум стихает, возвращается и спокойствие окружающей обстановки. К нам вновь подходит детектив Райан. У него разбита губа, и он задыхается, словно только что пробежал стометровку. Я встречаюсь с ним взглядом, а затем сразу с женщиной, который заходил в комнату для допросов – и тут же опускаю глаза. Мне нужно срочно уйти. Здесь слишком душно, не могу дышать. Я пытаюсь высмотреть выход, чтобы убежать как можно скорее.

– Елена, пойдем, ты должна...

– Не трогайте меня!

Я разворачиваюсь и убегаю.

Кажется, я никогда так быстро не преодолевала лестницу, ведущую к нашим комнатам. Я разревелась, пока ждала родителей у машины. Всю дорогу до дома избегала их настойчивых взглядов.

Я не смогла дать показания. Все видели, что произошло в участке! Почему они не удивлены?

Я подхожу к своей комнате. Меня не было здесь целую неделю. Пытаюсь ввести код на замке, но руки слишком сильно дрожат. Я разворачиваюсь в сторону комнаты Тига, приходится повернуть ключ в двери, чтобы войти. На мгновение останавливаюсь на входе, вспоминая сегодняшнюю сцену. Я предпочла бы поскорее ее забыть.

Через секунду я уже лежу на кровати Тига. Постель все

еще хранит его запах. Это хорошо. Будто я на мгновение обрела спокойствие. Я закрываю глаза, но на меня вновь накатывают воспоминания: раздевалка, участок, затем *больница* – стараюсь сконцентрироваться на воспоминаниях оттуда.

– Елена?

Я закрываю глаза. Уже поздно. За окном было темно, когда я проснулась.

– Елена, ты спишь?

Я чуть поворачиваю голову, чтобы ответить маме.

– Я принесла тебе поесть.

Голода нет. В тишине мама дотрагивается до моих волос. Я вся напрягаюсь – не хочу так реагировать, но мое тело делает это против воли.

– Милая, ну, пожалуйста...

Я с трудом сажусь. Она дожидается, пока я устроюсь удобнее, и протягивает тарелку. У меня до сих пор все болит. Пройдут дни, прежде чем мои раны заживут. Но мне кажется, что сильнее всего не физическая боль. Моему разбитому сердцу гораздо больнее. Джейсон, конечно, сильно меня избил до того, как пришел Тиг, но видеть, что с Тигом обращаются, как с преступником, гораздо тяжелее. И что за угрозы от этого копа? Как Джейсон вообще смог это организовать?

– Поешь, Елена, пожалуйста... – умоляет мама.

Не хочу. Невозможно заставить себя проглотить даже маленький кусочек. Кажется, сердце вот-вот разорвется. Оно словно уже занимает всю мою грудную клетку и стучит так

громко, что звук отдается в голове. Я уверена: как только открою рот, чтобы что-либо рассказать, сразу разревусь. Поэтому молчу. Сон не идет уже час. Я размышляю о сегодняшнем дне, и только теперь до меня доходит: они, видимо, вели Тигана в тюрьму. Вот почему он был такой дикий. Он говорил мне, как ему плевать на это, но на самом деле он до такой степени боится туда попасть, что готов даже драться, если он один против всех. И все это моя вина!

От этой мысли меня накрывает новая волна слез. Мне так стыдно, что я отворачиваю голову, лишь бы мама не видела моей слабости. Что она обо мне подумает?

Мы так и сидим в тишине. Мама молчит вот уже несколько минут. Как ей удастся быть такой сильной? Она тянет ко мне руку, но я успеваю сама вытереть мокрые щеки.

– Хочешь, я наберу тебе ванну? – наконец спрашивает она.

На ум сразу приходит то время, когда мы с Тигом вместе лежали в ванне, а он, весь покрытый пеной, мне улыбался. Как бы мне хотелось вновь оказаться в том дне. Я киваю, и она выходит.

Я вхожу в ванную комнату. Вода медленно набирается, от ванны исходит пар. Пахнет вкусно. Это запах Тига.

– Обещай, что поешь потом хоть немного, – просит мама.

– Хорошо.

Нет.

Она улыбается в ответ, хоть и не верит мне. Я жду, пока

она положит полотенце и выйдет: не могу раздеваться перед ней. Даже когда я одна, быть голой – настоящее испытание. Повсюду на моем теле Джейсон оставил свои следы: синяки и царапины. В больнице делали фотографии нанесенных побоев – никогда не переживала ничего более унижительного. Стоять полураздетой у стены – не меньший кошмар, чем само происшествие в раздевалке.

Я бросаю свитер прямо на пол. Джинсы можно не расстегивать, а просто стянуть вниз – настолько я исхудала. Когда и они оказываются на полу, я отталкиваю их ногами. Мои руки дрожат, хотя, кроме меня, здесь никого нет и мне совершенно нечего бояться. Но все же я настороже, в ожидании малейшего шума или какого-либо движения. Я смотрю на свою лежащую на полу одежду и вспоминаю, что Тиг тоже постоянно разбрасывал свои вещи, а я злилась и заставляла его складывать их. Но сегодня мне не до того – пусть все это валяется тут хоть неделю.

Я осматриваю бедра. Внутренние части отмечены синеватыми следами от самого верха до колен. То же самое – с наружной стороны. Я прекрасно помню, как Джейсон мне их оставил. Он схватил меня руками и прижал своим телом к ледяной стене. Если бы только я могла по щелчку пальцев забыть все это. Но нет. Нужно время, очень много времени. А без Тига – целая вечность.

Сняв футболку, я бросаю ее в кучу к остальной одежде. Мой взгляд падает на зеркало напротив. Царапины, синяки

повсюду... Не могу отвести взгляд. При виде всего этого я совершенно не понимаю, откуда у меня вообще есть силы стоять. Отметины есть даже на груди.

– Елена, я тебе подго...

Я вздрагиваю, но под рукой нет ничего, чтобы быстро прикрыться. Руками пытаюсь спрятать ужасную картину от материнского взгляда, но она уже глядит на меня во все глаза. Я вижу, что она вот-вот заплачет.

Мама ставит поднос с едой на край комода и отводит взгляд, как и я.

– Прости. Если захочешь поесть, я принесла...

– Спасибо, мам, – шепчу я в ответ.

Она пытается улыбнуться, но выходит не очень естественно. Мама бросает еще один короткий взгляд на синяки.

– Все еще болит? Может, примешь обезболивающее?

– Не надо, все в порядке.

Невыносимо видеть мамины слезы и не иметь сил обнять ее.

* * *

– Я столько раз заставляла вас с Тигом...

– В каком смысле?

Мама улыбается, сидя на краю ванны. Я погрузила все тело в горячую воду под толстый слой пены.

– Когда вам казалось, что никто не смотрит, он с такой

нежностью тебя целовал. Вы так молоды...

Я улыбаюсь. Но она никогда нам ничего не говорила. И слава богу. Если бы Тиг знал, то сделал бы все, чтобы ее спровоцировать.

– Почему ты молчала? Папа на твоём месте кричал бы, как сумасшедший...

– Потому что с ним ты была счастлива. Ты снова улыбалась, выходила из комнаты, заботилась о себе. Как только Тиган появился в нашем доме, ты стала чувствовать себя лучше. И, когда думаю о том, к чему все это привело, я жалею, что не смогла стать для тебя лучшей матерью.

Я отвожу взгляд. *Ты ни в чем не виновата... Ты – самая лучшая мама, которую только можно пожелать. Не только для меня, но и для Тига тоже. Жаль только, я не могу тебе об этом сказать.*

Глава 15

Тиг

На этот раз вместо мягких сидений полицейской машины я оказываюсь на металлической скамье вонючего фургона. В нескольких местах виднеются пятна, словно здесь зарезали овцу или еще кого.

Я перевожу взгляд на наручники, сковывающие запястья. Однажды Бенито сказал мне, что татуировки носят либо гангстеры, либо заключенные. Видимо, второй вариант про меня.

На каждом повороте мне приходится пригибаться, чтобы не упасть. Такое ощущение, будто находишься в автобусе Куинса, который несется, не заботясь о том, смог ты устоять на ногах или нет.

Очередная алая капля оставляет пятно на больничных штанах. Кровь хлещет из носа. А может, из губы. Я ощущаю боль во всем теле; невозможно понять, что конкретно болит. *Чертовы копы, на этот раз они не промахнулись.*

Фургон гонит быстрее. Такое впечатление, будто водитель специально собирает все ямы, чтобы мне было больнее. Но я не падаю. Я хочу видеть, где мы едем. Через маленькое

решетчатое окошко видны только верхушки зданий.

Я точно знаю, куда мы направляемся. И, когда из поля зрения исчезают дома и затихают клаксоны и сирены, я понимаю, что мы на мосту острова Райкерс и что я вот-вот навсегда окажусь в тюрьме.

Небо синее, слышны крики чаек. Мы на полном ходу проезжаем лежачего полицейского. Мои ребра напоминают, что они совсем не согласны с происходящим. Это повторяется еще несколько раз.

Машина останавливается. Олухи в кабине передают по переговорному устройству свои идентификационные номера и цель приезда. Фургон трогается. Затем все повторяется заново: остановка, идентификация, ворота открываются, чтобы запустить нас внутрь. До меня долетают обрывки разговоров: *«Транспортировка заключенного. Ну, по делу о сыне губернатора»* или *«Ну и потеху я вам привез! Настоящий мерзавец!»*

Я чувствую, как ярость поднимается к самому горлу, но не в состоянии ничего сделать, не могу даже прокричать, как они меня бесят. Дорога после пропускных пунктов становится все более запутанной. Затем фургон резко останавливается. Я падаю вперед и больно ударяюсь плечом о металлическую скамью. Запястья чувствуют себя не лучше. К тому моменту, когда у меня, наконец, получается выпрямиться, коп распахивает двери фургона.

– Ну что, говнюк, понравилась поездочка?

Иди ко всем чертям, кретин! Он поднимается в кабину с шокером в руке и улыбкой победителя на губах, а я резко встаю.

– Так это из-за тебя весь сыр-бор? М-да, тебя тут быстро приструнят. С трудом верится, что тебя, такого тощего, умиряли несколько человек.

Он расстегивает наручники и подталкивает меня к выходу.

Первое, что бросается в глаза, – решетки повсюду. Даже сверху. Для чего это? Они боятся, что я упорхну, как голубь в Центральном парке?

– Туда, давай, шевели ногами.

Коп толкает меня, но я не двигаюсь, лишь смотрю на него искоса. Черт, ну и усы у него! *Мужик, ты отстал от жизни.* Он вскидывает подбородок.

– Вперед, тупица, иначе придется применить силу.

Не обращай на него внимания.

Я поворачиваюсь и поднимаю глаза. Дьявол, да меня тут встречают как дорогого гостя. Шесть вооруженных до зубов охранников наблюдают, как я иду в их сторону. *Не смотри им в глаза, парень.*

Как только я подхожу ближе, меня хватают и заводят в длинный коридор. Гадость, здесь пахнет так, что меня вот-вот стошнит.

Двое ведут меня, остальные идут впереди и позади нас. Один из охранников опустил нос в какие-то бумажки и мол-

ча читает, потом вдруг взрывается от смеха.

– Господи, да этот ублюдок немой!

Остальные тоже находят это смешным. Как было бы здорово прямо сейчас прокричать в их страшные рожи, что я готов прибить их всех, но я продолжаю молчать. И это молчание душит меня. Один из них толкает меня плечом.

– Так мы можем делать с тобой что угодно, раз ты об этом даже рассказать не сможешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.